

8153 - A 102048

Гербертъ Спенсеръ.

ТАИСТВЕННЫЙ МІРЪ.

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

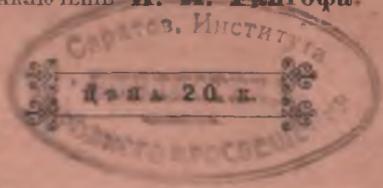
МІРЪ ТЪНЕЙ.

ДУХИ.

ПРИВИДѢНІЯ.

ЗАКЛИНАНІЯ И КОЛДОВСТВО.

Переводъ съ англійскаго, предисловіе, примѣчанія и
заключеніе **И. И. Раугофа.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книжнотрѣговца **В. И. ГУБИНСКАГО.**

1899.

Въ книжномъ складѣ В. И. Губинскаго, въ спб.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Исторія культуры. Соч. Фр. Гельвальда, при участіи профессоръ: Гааза, Бюхнера, Леорманна, Хорна, Гольма, Генне, Геннвямъ, Л. Гейгера, Филипсона и др. Первобытная культура и древнія восточныя цивилизаціи. Съ рисунками, перев. подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898 г. Ц. 2 т. 3 р. Исторія культуры Гельвальда, удѣляя значительное мѣсто первобытнымъ народнымъ массамъ, обращается къ изученію—экономической, государственной, общественной, умственной, нравственной, религіозной и эстетической сторонъ прошедшей жизни рода человѣческаго—цѣль ея не только знакомитъ съ судьбами и дѣятельностью народовъ, примкнувшихъ къ государственному и духовному развитію, но и возбуждаетъ научный интересъ и принести практическую пользу—быть дѣйствительною «наставницею жизни».

Жизнь римскихъ императрицъ. Новая иллюстрированная книга, большой томъ 427 стр. Картины жизни римскаго общества отъ Юлія Цезаря до 1350 г. Соч. Оскара Ліо, перев. съ итальянск. Н. Попова. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к. Исторія древняго Рима представляется самой любопытной и поучительной изъ исторіи народовъ. Жизнь римскихъ императрицъ интересна въ особенности потому, что римскія императрицы, имѣя громадное вліяніе на своихъ супруговъ, отцовъ, сыновей и братьевъ, развивали въ нихъ не мыслительныя способности, а чувственныя, впослѣдствіи погубившія страну. Среди славныхъ, героическихъ женщинъ Рима встрѣчаются смѣшныя куртизанки вродѣ Мессаллины, прослѣдить жизнь какъ тѣхъ, такъ и другихъ, это значитъ узнать *новыя интересныя стороны, жизни Рима.* Книга Ліо даетъ полную картину жизни, почти всѣхъ императрицъ Рима, составлена вполне добросовѣстно и представляетъ собой интересный материалъ для чтенія. Издана очень прилично и по количеству страницъ (400) и по качеству написаннаго цѣна ея является очень недорогой. Газета „Русь“.

Героизмъ. Соч. Армадъ Рено. Примѣры героизма и нравственной энергіи изъ исторіи всѣхъ

8153-A

Гербертъ Спенсеръ.

ТАИСТВЕННЫЙ МІРЪ.

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

МІРЪ ТѢНЕЙ.

ДУХИ.

ПРИВИДѢНІЯ.

ЗАКЛИНАНІЯ И КОЛДОВОСТВО.

Переводъ съ англійскаго, предисловіе, примѣчанія и
заключеніе И. П. Рапгофъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

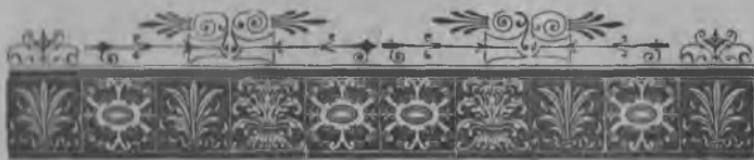
Изданіе книгопродавца В. И. ГУБИНСКАГО.

1899.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Августа 1898 года.

Паровая типографія А. Л. Трунова и К^о. Калашниковскій пр., 15.

ЧТО ТАКОЕ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ?

Естественнымъ мы называемъ всякое явление, которое такъ или иначе вытекаетъ изъ единичнаго или совокупнаго дѣйствія отдѣльнаго или нѣсколькихъ законовъ природы.

Съ тѣхъ поръ, какъ Гербертомъ Спенсеромъ были написаны его „Основанія социологiи“, прошло добрыхъ тридцать лѣтъ, т. е. промежутокъ времени, въ теченiи котораго естественныя науки обогатились многими новыми свѣдѣнiями. То, что еще вчера считалось аксиомой, теперь уже было опровергнуто цѣлымъ рядомъ докзательствъ. Человѣчество съ каждымъ днемъ ближе и ближе знакомится съ тароватою сокровищницею—природою. Подчиняя отдѣльныя явленiя природы или вѣрнѣе утилизируя таковыя, человекъ прiобрѣтаетъ способность предначертанную Господомъ Нашимъ. Спаситель указать намъ конечный пунктъ челоѣческой культуры въ уподобленiи Создателю. Въ Его словахъ мы черпаемъ великую надежду

на будущія откровенія человѣческаго духа при помощи благодати Господней.

Тридцать лѣтъ тому назадъ мы не знали ни электрическихъ лампъ, ни телефона, ни фонографа, ни электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, ни пневматической почты, ни прививокъ разныхъ кровяныхъ сыворотокъ и самая бактериологія находилась въ зачаткѣ.

Мудрено-ли, что Гербертъ Спенсеръ, не предусмотрѣвшій иксъ-лучей Рентгена и всѣхъ откровеній химіи и техники, на многія сверхъестественныя явленія смотрѣлъ инымъ окомъ, чѣмъ мы въ настоящее время.

Въ его время не ожидали, что можно читать чужія мысли и о гипнозѣ имѣли сравнительно превратное представленіе.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество постигло новые и новые для себя законы природы, оно тѣмъ самымъ пришло къ глубокому убѣжденію, что еще существуетъ масса законовъ, вовсе не сблизить извѣстныхъ и еще не изслѣдованныхъ человѣческимъ умомъ.

Ромеръ недавно на столбцахъ „Новаго Времени“ привелъ цѣлую таблицу пробѣловъ человѣческаго знанія, и, надо сознаться, эти пробѣлы даютъ намъ право вѣрить многимъ вещамъ, которыхъ мы постичь не въ состояніи, или по крайней мѣрѣ не можемъ ихъ опровергнуть.

Большая часть конкретныхъ явленій въ области сверхъестественнаго до сихъ поръ сводилась къ самовнушенію, тогда какъ связь этихъ явленій съ фактами жизни отдѣльныхъ

лицѣ доказана многими историческими примѣрами.

То, что Спенсеръ называетъ суевѣріемъ, намъ кажется не совсемъ выясненнымъ инстинктивнымъ чувствомъ человѣка, унаследовавшаго эту, съ виду неразумную, способность отъ нашихъ отдаленныхъ предковъ.

Біологическое происхожденіе хотя и не можетъ служить научнымъ обоснованіемъ того или другаго представленія, тѣмъ не менѣе весьма интересно было бы изслѣдованіе причинъ, пачала этихъ взглядовъ на сверхъестественныя явленія природы.

Чудо вовсе не есть противорѣчіе здравому смыслу или законамъ природы. То, что намъ еще сто лѣтъ тому назадъ показалось бы чудомъ—благодаря пытливому уму изобрѣтателей и людей науки, стало явленіемъ обычнымъ. Если же принять во вниманіе, что міръ существуетъ многіе милліоны лѣтъ, и что по всей вѣроятности еще просуществуетъ столько же милліоновъ лѣтъ (Фламмаріонъ), то предназначеніе человѣчества намъ становится до извѣстной степени понятнымъ. Если въ сто лѣтъ человѣчество путемъ открытій вызвало цѣлый переворотъ въ области химіи, техники, біологіи и медицины, то легко можно себѣ представить, что въ нѣсколько милліоновъ лѣтъ станетъ изъ нашей планеты?!

Смѣемъ думать, что то, что мы теперь еще признаемъ невѣроятнымъ, чудеснымъ и загадочнымъ, нашимъ потомкамъ будетъ до извѣстной степени яснымъ и понятнымъ.

Во всякомъ случаѣ, Гербертъ Спенсеръ въ отдѣльныхъ статьяхъ, собранныхъ мною въ одну книгу, коснулся таинственнаго міра со свойственной серьезностью и самостоятельностью во взглядахъ. Мотивируя каждый свой взглядъ массою конкретныхъ явленій маститый ученый даетъ намъ возможность отнестись къ его взглядамъ критическимъ образомъ, способствуя созданію объективнаго взгляда. Но предоставимъ слово автору.

Ипполитъ Ратюфъ.

ГЛАВА I.

Идеи о сверхъестественныхъ дѣятелихъ.

Нашъ языкъ, вслѣдствіе той спеціализаціи, которую онъ приобрѣлъ, въ соотвѣтствіи съ нашими мыслями, не передаетъ истиннымъ образомъ мысли дикаря и даже представляетъ ихъ въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Слово сверхъестественный имѣетъ смыслъ лишь какъ противоположность съ словомъ естественный, и пока не достигнута идея о правильной причинности, которую мы называемъ естественной, до тѣхъ поръ не можетъ существовать и той идеи, которая обозначается словомъ сверхъестественный. Я вынужденъ примѣнять это слово за отсутствіемъ лучшаго, но считаю своей обязанностью предостеречь читателя отъ предписыванія первобытному челоѣвику понятія, которое подразумѣваемъ мы подъ этимъ словомъ.

Сдѣлавъ эту оговорку, постараемся теперь нарисовать себѣ, поскольку это окажется для насъ возможнымъ, ту воображаемую среду, которую первобытный челоѣвикъ создаетъ себѣ съ помощью своихъ несовершеннѣйшихъ окружающихъ его явленій. Хотя понятія, которыми онъ создаетъ себѣ касательно окружающихъ его дѣятелихъ, оказываются взаимнопротиворѣчивыми въ своихъ подробностяхъ, но, взятые во всемъ ихъ цѣломъ, они оказываются вполне

согласными съ тѣми понятіями, которыя, какъ мы показали ранѣе, необходимо должны зародиться въ первобытномъ человѣкѣ.

Въ каждомъ племени появляющіеся отъ времени до времени случаи смерти прибавляютъ всякій разъ новую тѣнь ко множеству тѣней лицъ, умершихъ ранѣе. Мы уже видѣли, что первоначально люди предполагаютъ, что тѣни умершихъ находятся по близости отъ нихъ, что онѣ навѣщаютъ свои старыя жилища, держатся подлѣ могилъ или носятя надъ сосѣдными кустарниками. Постоянно накапливаясь, онѣ образуютъ вокругъ живыхъ цѣлое населеніе мертвыхъ, причемъ они бывають обыкновенно невидимы, но иногда являются видимымъ образомъ взорамъ нѣкоторыхъ живыхъ. Вотъ нѣсколько отнесенныхъ сюда примѣровъ.

Австралійцы воображаютъ, что сверхъестественныя существа этого происхожденія разсѣяны повсюду; все лицо земли кипитъ ими: лѣсныя чащи, берега водъ, скалы. Вѣдахи, которые вѣрятъ въ „тѣни своихъ предковъ и своихъ дѣтей“, убѣждены, что „воздухъ населенъ духами, и что каждая скала, каждое дерево, каждый лѣсъ, каждый холмъ, короче сказать, каждая черта природы имѣетъ своего мѣстнаго духа.

Тасманійцы въ своемъ воображеніи населяли „цѣлыми толпами злыхъ духовъ и лукавыхъ мелкихъ демоновъ“ пещеры, лѣса, разсѣлины скалъ, вершины горъ. Тамъ, гдѣ существуетъ обычай погребать умершаго въ самомъ его домѣ, тѣни умершихъ воображаются находящимися бокъ-о-бокъ съ живыми; а гдѣ, какъ у амазонскихъ аборигеновъ, „нѣкоторые изъ большихъ домовъ заключаютъ въ себѣ болѣе ста могилъ“, тамъ обитатели этихъ домовъ должны вообразать, что тѣни усоншихъ ежеминутно толкаются со своими живыми потомками. По понятію карена „міръ гораздо гуще населенъ духами, чѣмъ

людьми“. Духи усопшихъ толпятся вокругъ него“. Такой же взглядъ имѣютъ и таитяне: они „воображаютъ, что живутъ въ мірѣ духовъ, который окружаетъ ихъ денно и нощно, наблюдая за каждымъ ихъ дѣйствиємъ“. Разсматриваемые то какъ дружественные духи, то какъ причинители разныхъ бѣдъ и золь, духи предковъ подвергаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ формальному изгнанію, какъ, на примѣръ, у никобарцевъ:

„Одинъ разъ въ году, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда свирѣпствуетъ какамъ нибудь повальная болѣзнь, они строятъ большой челнокъ; минловенъ, или жрецъ, приказываетъ подвозить этотъ челнокъ вплотъ къ каждому дому, и тогда, съ помощью поднимаемаго имъ шума, онъ принуждаетъ всѣхъ злыхъ духовъ покинуть жилище и войти въ челнокъ; при этомъ всѣ присутствующіе мужчины, женщины и дѣти помогаютъ ему въ его заклинаніяхъ; когда всѣ духи выгнаны, всѣ двери запираются и лѣстница отнимается прочь (никобарскіе дома строятся на столбахъ въ 8 или 9 футовъ высоту); послѣ такого очищенія всѣхъ домовъ, челнокъ оттаскивается на берегъ моря, гдѣ скоро уносится волнами со всѣмъ своимъ грузомъ чертей“.

Подобный же обычай существуетъ и на Малдивскихъ островахъ. Точно также и у нѣкоторыхъ калифорнскихъ индѣйцевъ происходитъ ежегодно изгнаніе духовъ усопшихъ, накопившихся въ продолженіи года.

Эти многочисленные безтѣлесные духи представляютъ собою такихъ дѣятелей, которыми первобытный человѣкъ постоянно пользуется въ качествѣ воображаемыхъ антецедентовъ всѣхъ окружающихъ его дѣйствій, нуждающихся въ объясненіи. Для этого вовсе не требуется, чтобы люди продолжали признавать ихъ непременно и въ ясной формѣ за духовъ умершихъ: многіе изъ нихъ даже навѣрное

утрачиваютъ этотъ характеръ. Рои демоновъ, которыми окружены, по ихъ понятіямъ, евреи, принимались нѣкоторыми изъ нихъ за духовъ злыхъ покойниковъ, между тѣмъ, какъ другіе считали ихъ плодомъ сожительства падшихъ ангеловъ съ дочерьюми людей. Когда генеалогическія свѣдѣнія по отношенію къ накопившейся толпѣ духовъ были утрачены, то не оставалось ничего, что могло бы воспринять существованію любой теоріи касательно ихъ происхожденія. Но хотя арабъ, — который считаетъ пустыню столь густо населенной духами, что когда онъ бросаетъ какую-нибудь вещь въ сторону, то проситъ извиненія у тѣхъ, кого, быть можетъ, задѣлалъ при этомъ, — по всей вѣроятности не считаетъ теперь всѣхъ этихъ духовъ блуждающими двойниками умершихъ, тѣмъ не менѣе совершенно ясно, что коль скоро мы имѣемъ блуждающихъ двойниковъ умершихъ, находящихся, по понятіямъ первобытнаго человѣка, повсюду, то въ этомъ самомъ мы имѣемъ *in potentia* неограниченное число сверхъестественныхъ дѣятелей, способныхъ разнообразить безъ конца свою дѣятельность.

Отсюда полная естественность и даже необходимость тѣхъ объясненій, которыя прилагаетъ дикарь къ окружающимъ его явленіямъ. Съ развитіемъ ученія о тѣняхъ усопшихъ вырастаетъ само собою очень легкое объясненіе всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя ежечастно обнаруживаются на небесахъ и на землѣ. Облака, то собирающіяся, то разсѣивающіяся, падающія звѣзды, которыя появляются и исчезаютъ, внезапныя потемнѣнія поверхности воды подъ дуновеніемъ вѣтра, метаморфозы животныхъ, превращенія одного вещества въ другое, бури, землетрясенія, изверженія вулкановъ, — все это становится теперь удобообъяснимымъ. Эти существа, которымъ приписывается способность дѣлаться по произволу то видимыми, то невидимыми, и которыя обладаютъ

и другими способностями и силами, не имѣющими въ воображеніи первобытнаго человѣка никакихъ границъ, — вездѣсущи. Они, по мнѣнію первобытнаго человѣка, объясняютъ совершенно удовлетворительно все неожиданна перемѣны, что становится дальнѣйшимъ подтвержденіемъ ихъ собственнаго существованія. Первобытный человѣкъ не знаетъ и не можетъ представить себѣ никакихъ другихъ причинъ такихъ перемѣнъ; слѣдовательно, ихъ причинами должны быть эти души умершихъ; слѣдовательно, переживаніе душою тѣла очевидно: вотъ тотъ силлогическій кругъ, то круговое умозаключеніе, которое удовлетворяетъ не однихъ только дикарей.

Такимъ образомъ, тѣ истолкованія природы, которыя предшествуютъ научнымъ ея истолкованіямъ, суть наилучшія, какія только могутъ быть составлены въ то время. Если карены приписываютъ все „непонятныя звуки и видѣнія въ джунгляхъ“ духамъ злымъ покойниковъ, то они предполагаютъ для этихъ звуковъ такое происхожденіе, которое, при отсутствіи обобщеннаго знанія, есть единственное, какое только можно себѣ вообразить. Если, по разсказамъ Вастіана, никобарцы приписываютъ злымъ духамъ все несчастныя случаи, которые они не могутъ объяснить обыкновенными причинами, то это значитъ, что они просто обращаются къ такимъ оставшимся еще у нихъ причинамъ, какія они только могутъ представить себѣ приложимыми къ этимъ случаямъ. Линингтонъ описываетъ, какъ нѣкоторые скалы, накаливаясь очень сильно отъ подуденнаго солнца и быстро охлаждаясь вечеромъ на наружной своей поверхности, лопаются съ громкимъ трескомъ, похожимъ на выстрѣлы, и какъ эти выстрѣлы приписываются туземцами злымъ духамъ. Но кому же или чему другому, могли они приписывать ихъ? Не цивилизованные люди очень далеки отъ

согласными съ тѣми понятіями, которыя, какъ мы показали ранѣе, необходимо должны зародиться въ первобытномъ человѣкѣ.

Въ каждомъ племени появляющіеся отъ времени до времени случаи смерти прибавляютъ всякій разъ новую тѣнь ко множеству тѣней лицъ, умершихъ ранѣе. Мы уже видѣли, что первоначально люди предполагаютъ, что тѣни умершихъ находятся по близости отъ нихъ, что онѣ навѣщаютъ свои старыя жилища, держатся подлѣ могилъ или носятся надъ сосѣдними кустарниками. Постоянно накопляясь, онѣ образуютъ вокругъ живыхъ цѣлое населеніе мертвыхъ, причемъ они бывають обыкновенно невидимы, но иногда являются видимымъ образомъ взорамъ нѣкоторыхъ живыхъ. Вотъ нѣсколько относящихся сюда примѣровъ.

Австралійцы воображаютъ, что сверхъестественныя существа этого происхожденія разсѣяны повсюду; все лицо земли кипитъ ими: лѣсныя чащи, берега водъ, скалы. Веддахи, которые вѣрятъ въ „тѣни своихъ предковъ и своихъ дѣтей“, убѣждены, что „воздухъ населенъ духами, и что каждая скала, каждое дерево, каждый лѣсъ, каждый холмъ, короче сказать, каждая черта природы имѣетъ своего мѣстнаго духа.

Тасманійцы въ своемъ воображеніи населяли „цѣлыми толпами злыхъ духовъ и лукавыхъ мелкихъ демоновъ“ пещеры, лѣса, разсѣлины скалъ, вершины горъ. Тамъ, гдѣ существуетъ обычай погребать умершаго въ самомъ его домѣ, тѣни умершихъ воображаются находящимися бокъ-о-бокъ съ живыми; а гдѣ, какъ у амазонскихъ аборигеновъ, „нѣкоторые изъ большихъ домовъ заключаютъ въ себѣ болѣе ста могилъ“, тамъ обитатели этихъ домовъ должны вообразать, что тѣни усопшихъ ежеминутно толкаются со своими живыми потомками. По понятію карена „міръ гораздо гуще населенъ духами, чѣмъ

людьми“. Духи усопшихъ толпятся вокругъ него“. Такой же взглядъ имѣютъ и таитяне: они „воображаютъ, что живутъ въ мірѣ духовъ, который окружаетъ ихъ денно и нощно, наблюдая за каждымъ ихъ дѣйствиємъ“. Разсматриваемые то какъ дружественные духи, то какъ причинители разныхъ бѣдъ и золь, духи предковъ подвергаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ формальному изгнанію, какъ, напримѣръ, у никобарцевъ:

„Одинъ разъ въ году, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда свирѣпствуетъ какамъ нибудь повальная болѣзнь, они строятъ большой челнокъ; минловенъ, или жрецъ, приказываетъ подвезить этотъ челнокъ вплотъ къ каждому дому, и тогда, съ помощью поднимаемого имъ шума, онъ принуждаетъ всѣхъ злыхъ духовъ покинуть жилище и войти въ челнокъ; при этомъ всѣ присутствующіе мужчины, женщины и дѣти помогаютъ ему въ его заклинаніяхъ; когда всѣ духи выгнаны, всѣ двери запираются и лѣстница отнимается прочь (никобарскіе дома строятся на столбахъ въ 8 или 9 футовъ высотой); послѣ такого очищенія всѣхъ домовъ, челнокъ оттаскивается на берегъ моря, гдѣ скоро уносится волнами со всѣмъ своимъ грузомъ чертей“.

Подобный же обычай существуетъ и на Малдивскихъ островахъ. Точно также и у нѣкоторыхъ калифорнскихъ индѣйцевъ происходитъ ежегодно изгнаніе духовъ усопшихъ, накопившихся въ продолженіи года.

Эти многочисленные безтѣлесные духи представляютъ собою такихъ дѣятелей, которыми первобытный человѣкъ постоянно пользуется въ качествѣ воображаемыхъ антецедентовъ всѣхъ окружающихъ его дѣствій, нуждающихся въ объясненіи. Для этого вовсе не требуется, чтобы люди продолжали признавать ихъ непременно и въ ясной формѣ за духовъ умершихъ: многіе изъ нихъ даже навѣрное

утрачиваютъ этотъ характеръ. Рои демоновъ, которыми окружены, по ихъ понятіямъ, еврей, принимались нѣкоторыми изъ нихъ за духовъ злыхъ покойниковъ, между тѣмъ, какъ другіе считали ихъ плодомъ сожительства падшихъ ангеловъ съ дочерьюми людей. Когда генеалогическія свѣдѣнія по отношенію къ накопившейся толпѣ духовъ были утрачены, то не оставалось ничего, что могло бы воспрепятствовать принятію любой теоріи касательно ихъ происхожденія. Но хотя арабъ, — который считаетъ пустыню столь густо населенной духами, что когда онъ бросаетъ какую-нибудь вещь въ сторону, то проситъ извиненія у тѣхъ, кого, быть можетъ, задѣлъ при этомъ, — по всей вѣроятности не считаетъ теперь всѣхъ этихъ духовъ блуждающими двойниками умершихъ, тѣмъ не менѣе совершенно ясно, что коль скоро мы имѣемъ блуждающихъ двойниковъ умершихъ, находящихся, по понятіямъ первобытнаго человѣка, повсюду, то въ этомъ самомъ мы имѣемъ *in potentia* неограниченное число сверхъестественныхъ дѣятелей, способныхъ разнообразить безъ конца свою дѣятельность.

Отсюда полная естественность и даже необходимость тѣхъ объясненій, которыя прилагаетъ дикарь къ окружающимъ его явленіямъ. Съ развитіемъ ученія о тѣняхъ усопшихъ вырастаетъ само собою очень легкое объясненіе всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя ежечастью обнаруживаются на небесахъ и на землѣ. Облака, то собирающіяся, то разсѣивающіяся, падающія звѣзды, которыя появляются и исчезаютъ, внезапныя потемнѣнія поверхности воды подъ дуновеніемъ вѣтра, метаморфозы животныхъ, превращенія одного вещества въ другое, бури, землетрясенія, изверженія вулкановъ, — все это становится теперь удобообъяснимымъ. Эти существа, которымъ приписывается способность дѣлаться по произволу то видимыми, то невидимыми, и которыя обладаютъ

и другими способностями и силами, не имѣющими въ воображеніи первобытнаго человѣка никакихъ границъ, — вездѣсущи. Они, по мнѣнію первобытнаго человѣка, объясняютъ совершенно удовлетворительно всѣ неожиданныя перемѣны, что становится дальнѣйшимъ подтвержденіемъ ихъ собственнаго существованія. Первобытный человѣкъ не знаетъ и не можетъ представить себѣ никакихъ другихъ причинъ такихъ перемѣнъ; слѣдовательно, ихъ причинами должны быть эти души умершихъ; слѣдовательно, переживаніе душою тѣла очевидно: вотъ тотъ силлогическій кругъ, то круговое умозаключеніе, которое удовлетворяетъ на однихъ только дикарей.

Такимъ образомъ, тѣ истолкованія природы, которыя предшествуютъ научнымъ ея истолкованіямъ, суть наилучшія, какія только могутъ быть составлены въ то время. Если карены приписываютъ всѣ „непонятные звуки и видѣнія въ джунгляхъ“ духамъ злымъ покойниковъ, то они предполагаютъ для этихъ звуковъ такое происхожденіе, которое, при отсутствіи обобщеннаго знанія, есть единственное, какое только можно себѣ вообразить. Если, по разсказамъ Вастіана, никобарцы приписываютъ злымъ духамъ всѣ несчастные случаи, которые они не могутъ объяснить обыкновенными причинами, то это значитъ, что они просто обращаются къ такимъ остающимся еще у нихъ причинамъ, какія они только могутъ представить себѣ приложимыми къ этимъ случаямъ. Ливингстонъ описываетъ, какъ нѣкоторые скалы, накаливаясь очень сильно отъ полуденнаго солнца и быстро охлаждаясь вечеромъ на наружной своей поверхности, лопаются съ громкимъ трескомъ, похожимъ на выстрѣлы, и какъ эти выстрѣлы приписываются туземцами злымъ духамъ. Но кому же или чему другому, могли они приписывать ихъ? Не цивилизованные люди очень далеки отъ

представленія, что камень может лопнуть отъ неравнобѣрнаго сжиманія; а при отсутствіи тако-го представленія, какаѣ причина можетъ быть подобрана для внезапнаго разрыва камня, кромѣ злой шутки одного изъ этихъ лукавыхъ демоновъ, находящихся повсюду? Въ своемъ описаніи Данакиля Гаррисъ говоритъ, что „ни одинъ вихрь не пронесется черезъ дорогу, чтобы за нимъ не погнались съ дюжину дикарей съ обнаженными ножами (creeses, которыми они бросаютъ и тычутъ въ центръ пыльнаго столба, чтобъ прогнать злого духа, который, по ихъ убѣжденію, ѣдетъ на вихрь“.

Какъ ни смѣшно на нашъ взглядъ это понятіе, но стоитъ только спросить себя, въ чемъ заключается физическое объясненіе песчаннаго вихря, чтобъ сейчасъ же увидѣть, что такое объясненіе не можетъ быть составлено дикаремъ, и что единственное мыслимое для нихъ объясненіе есть то, которое онъ даетъ. Иногда его опыты внушаютъ ему убѣжденіе, что такіе дѣятели многочисленны и присутствуютъ повсюду. Описывая одинъ тропическій видъ, Гумбольтъ говоритъ: „поверхность этихъ песковъ, раскаленныхъ солнечными лучами, кажется волнующейся, какъ поверхность жидкости... солнце одушевляетъ весь ландшафтъ и придаетъ движеніе и песчаной равнинѣ, и стволамъ деревьевъ, и утесамъ, которые вдаются въ это кажущееся море подобно мысамъ“.

Что заставляетъ дрожать стволы деревьевъ и колеблеть утесы? Для дикаря не остается никакой другой альтернативы, какъ только предположить здѣсь безчисленное множество невидимыхъ существъ, разбѣянныхъ повсюду кругомъ. Понять, что эти зрительныя явленія суть иллюзіи, производимыя преломленіемъ солнечныхъ лучей неравнобѣрно нагрѣтымъ воздухомъ,—для него невозможно.

Одинъ изъ только что приведенныхъ примѣровъ доказываетъ, что племена, стоящія на сравнительно

раннихъ ступеняхъ развитія, смотрятъ на духовъ усопшихъ, какъ на такихъ дѣятелей, которыми объясняются разные необыкновенныя явленія. Но число такихъ примѣровъ можетъ быть увеличено. Такъ, Томсонъ рассказываетъ намъ, что, по убѣжденію арауканцевъ, бури происходятъ вслѣдствіи битвъ, которыя души ихъ соплеменниковъ ведутъ съ душами ихъ враговъ. Такія объясненія отличаются отъ объясненій расъ, подвинувшихся далѣе по пути развитія, только тѣмъ, что въ нихъ индивидуальности мертвыхъ друзей и враговъ сохраняютъ свои первоначальныя формы, между тѣмъ какъ въ послѣдствіи, на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія, эти индивидуальности блѣднѣютъ, стираются и оставляютъ понятія о личныхъ дѣятеляхъ менѣе определеннаго рода. Неподалеку отъ мѣста, гдѣ одинъ изъ членовъ племени когда-то утонулъ, и болѣе не возвращался, находится въ рѣкѣ водоворотъ, который вкручиваетъ и втягиваетъ плывущіе мимо сучья и т. п. Что можетъ быть очевиднѣе того, что двойникъ этого утопшаго человѣка, будучи злого характера, какъ всегда бываютъ непогребенные мертвецы, живетъ по близости отъ мѣста своего утопленія и утаскиваетъ мимо плывущія вещи подъ воду, а иногда, изъ мстительной злобы, схватываетъ и утаскиваетъ подъ воду даже людей, которые осмѣливаются приближаться къ мѣсту его жительства? Когда люди, знавшіе утопшаго, всё перемрутъ, когда, по истеченіи нѣсколькихъ поколѣній, подробности этой исторіи, отодвинутой назадъ болѣе ношами исторіями, сотрутся въ памяти людей, а въ особенности, когда сюда явится какое нибудь пришлое племя побѣдителей, въ преданіяхъ котораго о его прошедшемъ мѣстныя исторіи не имѣютъ никакихъ корней, то отъ всей первоначальной исторіи останется или уцѣлѣетъ только вѣра въ вода-

ного демона, живущаго въ омутѣ *). И такъ повсюду. Съ переходомъ преданія изъ устъ въ уста, сходство между духомъ и тѣмъ индивидомъ, отъ котораго онъ ведетъ свое начало, постепенно утрачивается; а эти безчисленные отступленія, разъ начавшись, приводятъ постепенно къ исчезновенію не только индивидуальныхъ, но подъ конецъ даже къ исчезновенію просто человѣческихъ чертъ: разнообразности переходятъ въ виды, роды и порядки сверхъестественныхъ существъ.

Конечно, коль скоро всё замѣчательныя происшествія во внѣшнемъ мірѣ, окружающемъ первобытнаго человѣка, приписывается имъ духамъ усопшимъ, которые представляются вначалѣ въ ихъ индивидуальныхъ формахъ, но, по мѣрѣ ихъ накопленія и дифференцированія, переходить постепенно въ многочисленныя, менѣе ясно опредѣленныя, хотя все еще личныя формы, то этимъ же духамъ умершихъ приписываются и всё замѣчательныя событія въ людской жизни. Такъ какъ души находятся постоянно по близости, и такъ какъ они доступны чувствамъ дружбы и вражды, то совершенно немислимо, чтобъ они не вмѣшивались въ человѣческія дѣйствія. Душа умершаго врага находится вѣчно на стражѣ, чтобъ причинить какую-

---

*) Въ то время, когда это писалось, я не встрѣчалъ фактовъ, прямо поддерживающихъ такой выводъ; но я нашелъ ихъ позже въ сочиненіи м-ра Банкрофта—о туземныхъ племенахъ Тихоокеанскихъ Штатовъ (*The Native Races of the Pacific States*). Онъ говоритъ: «Передъ тѣмъ, какъ покинуть эту мѣстность, я долженъ замѣтить, что туземцы назвали водопадъ Хохоно, въ той же долинѣ, именемъ одного злого демона. Никто изъ окрестныхъ туземцевъ не рѣшится даже указать его, проходя этою долиной, и ни одинъ изъ нихъ, ни за какую награду, не согласится спать по близости его, потому что въ его брызгахъ носятя души утопшихъ и вопли ихъ слышатся среди грохота стремительно падающей воды».

нибудь неприятную случайность; а душа умершаго родственника постоянно готова явиться на помощь или на защиту, если только находится въ добромъ расположеніи; если же она чувствуетъ себя оскорбленной, то въ такой же мѣрѣ готова сдѣлать что-нибудь худое.

Отсюда—тѣ объясненія успѣховъ и неудачъ, которыя имѣютъ всеобщее распространеніе. Эти объясненія мы находимъ у всѣхъ народовъ; различіе состоитъ здѣсь лишь въ томъ, насколько точно помогающій или мѣшающій другъ утратилъ человѣческой характеръ. Начнемъ съ самаго низкостоящаго, — съ веддаха, который ожидаетъ отъ тѣни своего умершаго родителя или ребенка, что она можетъ ему въ охотѣ, и который приписываетъ неудачный выстрѣлъ не дурному прицѣлу и т. п., а недостаточному умилостивленію этой тѣни; затѣмъ, мы имѣемъ австралійца, который, видя, какъ „человѣкъ свалился съ дерева и свернулъ себѣ шею“, думаетъ, что „жизнь этого человѣка исчезла изъ него вслѣдствіе чаръ колдуновъ (boyala-men) другого племени“; мы имѣемъ ашантиевъ, которые „вѣрятъ, что тѣни умершихъ родственниковъ охраняютъ ихъ, какъ вѣрная стража“ и что „тѣни умершихъ враговъ суть... злые духи“, причиняющіе имъ всякое зло.

Восходя выше, и обращаясь къ героямъ Гомера, мы видимъ здѣсь военныя побѣды, одержанныя при содѣйствіи сверхъестественныхъ существъ, принявшихъ участіе въ ихъ битвахъ. Подлѣ Гектора „постоянно находится по крайней мѣрѣ одинъ изъ боговъ, который отстраняетъ отъ него смерть“. „Менелай побѣдилъ съ помощью Минервы“. Діомедъ остался невредимымъ потому, что одинъ изъ безсмертныхъ „отвелъ въ сторону быструю стрѣлу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она готова была вонзиться въ него“. Парисъ, схваченный и влекомый заплемъ, навѣрное бы погибъ, еслибы не Венера,

которая „быстро замѣтила это и поторопилась сломать вастежки его плема“; а Идеусъ избѣжалъ гибели только благодаря тому, что Вулканъ оттащилъ его прочь“. Будеть-ли то арауканецъ, приписавшій свои успѣхи помощи своей собственной феи; будутъ-ли то африканскій вождь, который, по словамъ Левингстона, думалъ, что совершенно обезпечилъ смерть слона, за которымъ они охотились, тѣмъ, что высыпалъ въ жертву Баримо все содержимое своей табакерки; будутъ-ли то грекъ, копье котораго вонзается въ бокъ троянцу, направленное рукою его божественнаго покровителя; будутъ-ли то персидскій ангель-хранитель или святой, патронъ всѣхъ людей его имени,—не трудно видѣть, что во всѣхъ этихъ случаяхъ замѣчается полное тождество во всѣхъ существенныхъ чертахъ, и только большее или меньшее различіе въ формѣ. Весь вопросъ заключается единственно въ томъ, какъ далеко ушло это развитіе понятія о духѣ усопшихъ въ понятіе о сверхъестественныхъ дѣятеляхъ.

Въ заключеніе всего, мы главнымъ образомъ должны отмѣтить тотъ фактъ, что этотъ механизмъ причинности, къ построенію котораго первобытный человѣкъ приводился совершенно неизбѣжнымъ образомъ, наполняетъ его умъ до исключенія всякаго другаго механизма. Гипотеза касательно дѣятельности духовъ занимаетъ его умственное поле и прочно укореняется въ его умѣ задолго до той поры, когда у человѣка вырабатывается способность и является возможность къ накопленію и организаціи опытовъ, внушающихъ гипотезу физической причинности. Даже между нами, при нашихъ обширныхъ запасахъ точнаго знанія и при легкости способовъ къ его распространенію, вытѣсненіе древняго ученія новымъ очень трудно. Судите же по этому, какова должна быть эта трудность тамъ, гдѣ немногіе извѣстные факты остаются необобщенными, некласси-

фицированными, неизмѣренными; гдѣ отсутствуютъ смыслъ понятія о порядкѣ, причинности и законѣ; гдѣ критика и сомнѣнїе находятя только въ зародившійся и гдѣ нѣтъ даже любознательности, которая толкала бы къ изслѣдованію. Если, пародируя известное изрѣченіе, мы можемъ сказать, что предвзятые понятія составляютъ девять десятыхъ всѣхъ нашихъ вѣрованій, и если это справедливо даже по отношенію къ сравнительно пластическимъ умамъ цивилизованныхъ людей, то какую же часть общей суммы вѣрованій должны составлять предвзятые понятія въ сравнительно невоспримчивыхъ умахъ людей не цивилизованныхъ?

А потому, изумленіе, обыкновенно выражаемое по поводу этихъ первобытныхъ истолкованій, есть изумленіе ничѣмъ не оправдываемое. Если дайки, суди по рассказамъ Сентъ-Джона, никогда не принимаютъ естественнаго объясненія какого бы то ни было необыкновеннаго явленія, вродѣ, напримеръ, какой-нибудь несчастной случайности, но всегда „обращаются при этомъ къ суевѣріямъ“, то потому только, что это единственный родъ объясненія, который пока является имъ доступнымъ. Нелѣпность заключаетелъ лишь въ предположеніи, будто бы не цивилизованный человѣкъ обладаетъ съ самаго начала идеею о „естественномъ объясненіи“. Только съ возрастаніемъ общества, съ умноженіемъ искусствъ, съ накопленіемъ опыта, съ открытіемъ постоянныхъ отношеній между явленіями, съ приведеніемъ этихъ отношеній въ порядокъ и съ близкимъ ознакомленіемъ съ ними, становится возможнымъ понятіе о естественномъ объясненіи. Только тогда можетъ возникнуть даже простое сомнѣнїе насчетъ истинности этихъ самыхъ раннихъ заключеній. Только тогда можетъ начаться медленный процессъ замѣненія ихъ другими.

Познакомившись съ путемъ, которымъ первобыт-

ный человѣкъ пришелъ къ тому, чтобы считать всѣ дѣятельности въ окружающемъ его мѣрѣ подъ контролемъ духовъ умершихъ и другихъ духовъ, болѣе или менѣе отличающихся отъ нихъ, рассмотримъ теперь тотъ путь, которымъ онъ приходитъ къ мысли, будто бы духи умершихъ контролируютъ также дѣятельности внутри его собственнаго тѣла, равно и внутри тѣлъ другихъ людей.

ГЛАВА II.

О привидѣнiяхъ, духахъ, демонахъ и тѣняхъ.

Путешественникъ Муяго Паркъ рассказываетъ, какъ однажды онъ повстрѣчался съ двумя неграми, которые ѣхали верхомъ и какъ эти оба всадника въ испугѣ ускакали отъ него слома голову; затѣмъ онъ продолжаетъ: „проскакавъ съ милою къ западу, они столкнулись съ моими слугами, которымъ рассказали о своей ужасной встрѣчѣ; оказалось, что ихъ страхъ облекъ меня въ развѣвующіяся одежды какого то ужаснаго духа; а одинъ изъ нихъ утверждалъ, что, какъ только я появился, на него повѣялъ внезапно сверху порывъ холоднаго вѣтра, такъ что онъ почувствовалъ, какъ будто бы его обдали съ ногъ до головы холодной водой“.

Я привожу этотъ отрывокъ, чтобы напомнить читателю, до какой степени страхъ, соединяясь съ предъ-установленнымъ вѣрованiемъ, способенъ производить иллюзию, подтверждающюю это вѣрованiе, и какъ легко, слѣдовательно, первобытному человѣку найти доказательства того, что мертвецы дѣйствительно являются изъ могилъ.

Допущенiе несогласимыхъ между собою представленiй, примѣры которыхъ каждый легко можетъ при-

помнить, даже образованными членами цивилизованных обществ, показываетъ, какъ легко для первобытныхъ людей, при ихъ неразвитомъ умѣ и при отсутствіи у нихъ знаній, совмѣщать въ своей головѣ такія представленія, которыя взаимно уничтожаютъ одно другое. Намъ кажется затруднительнымъ представить себѣ, что они дѣйствительно думаютъ, будто бы мертвый, несмотря на то, что онъ зарытъ въ землю, приходитъ назадъ въ осязаемыхъ формахъ. И когда они утверждаютъ, что двойникъ уходитъ прочь, оставляя послѣ себя трупъ, то намъ кажется, что такое утвержденіе никакъ не можетъ быть согласовано съ другимъ ихъ одновременнымъ предположеніемъ, именно съ тѣмъ, что этотъ двойникъ нуждается въ пищѣ и питьѣ, которыя они запасаютъ для него, или что ему надобны одежда и огонь. Ибо, если они представляютъ себѣ этотъ двойникъ въ видѣ какого-то воздушнаго или эфирнаго существа, то въ такомъ случаѣ какъ же могутъ они предполагать, что онъ способенъ ѣсть твердую пищу, а они буквально допускаютъ это во многихъ случаяхъ; если же онъ, по ихъ мнѣнію, обладаетъ тѣлесностью, то въ такомъ случаѣ, какъ можетъ онъ въ ихъ представленіи сосуществовать съ трупомъ или оставлять могилу, не нарушая спокойствія покрывающей его земли?

Но когда мы припомнимъ, до какихъ крайнихъ предѣловъ легковѣрія и нелогичности могутъ дойти даже образованные люди, принадлежаніе къ высоко развитымъ расамъ, то найдемъ достаточно причинъ для заключенія, что идеи первобытнаго человѣка о другомъ „я“ могли существовать у него, хотя они и кажутся намъ теперь невозможными.

Я долженъ начать съ того понятія о воскресеніи, которое мы находимъ у австралійцевъ, и которое такъ часто приводится разными авторами. Я начинаю съ него ради его типичности. Понятіе это очень

опредѣленно выразилось въ словахъ того преступника, который, будучи приговоренъ къ смерти, сказалъ, что онъ выскочить бѣлымъ человѣкомъ и будетъ имѣть тогда много серебряныхъ денегъ. Многие слыхали о происшествіи, случившемся съ сэромъ Джоржемъ Греемъ, который былъ признанъ одной австралійской женщиной за ея умершаго сына, воскресшаго изъ мертвыхъ, и котораго она ради этого осыпала ласками; не менѣе интересенъ съ этой стороны и случай съ госпожей Томсонъ, которую принимали за вернувшуюся назадъ второе „я“ одного умершаго члена племени и о которой австралійцы, съ которыми она жила, нерѣдко говорили: „бѣдняжка! вѣдь она только духъ усопшаго и ничего больше!“. Также одинъ поселенецъ съ искривленной рукой былъ признанъ туземцами за одного недавно умершаго товарища, имѣвшаго тоже кривую руку, и они приветствовали его словами: „О, мой Баллудери, ты выскочилъ вновь на свѣтъ бѣлымъ человѣкомъ“. Бонникъ рассказываетъ о другихъ подобныхъ же примѣрахъ и при этомъ прибавляетъ, что Девисъ объясняетъ это австралійское вѣрованіе слѣдующимъ образомъ: дикари, содравъ кожу съ чернаго человѣка, прежде чѣмъ изжарить и съѣсть его, замѣчали, что онъ становится бѣлымъ послѣ этой операціи; изъ этого они вывели заключеніе, что бѣлые люди суть духи черныхъ людей. Но это вѣрованіе существуетъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ такое объясненіе не приложимо. Ново-каледонцы „думаютъ, что бѣлые люди — духи мертвецовъ и что они приносятъ болѣзни“. Далѣе: „на островѣ Дарилей, на островахъ Принца Валлійскаго и на мысѣ Гюркъ слово, употребляемое для обозначенія бѣлаго человѣка, означаетъ въ то же время духъ умершаго, или привидѣніе“. Крумены называютъ европейцевъ „племенемъ привидѣній“, а обитатели Старога Калабара называютъ

ихъ „людьми-духами“; мнѣнныя Гапуна зовутъ ихъ „привидѣніями“.

Всѣ эти случаи разбираютъ всякое сомнѣніе относительно того, что двойникъ представляется вначалѣ не менѣе вещественнымъ, какъ и самый подлинникъ; впрочемъ, это показываютъ съ неменьшею ясностью и факты, почерпнутые у другихъ народовъ. Такъ, карены говорятъ: „Ла (духъ усопшаго) иногда является послѣ смерти, и тогда его нельзя бываетъ отличить отъ самого умершаго“. Арауканцы думаютъ, что „душа, покинувъ тѣло, исполняетъ въ будущей жизни тѣ же самыя отправления, которыя она выполняла въ этой; различіе заключается здѣсь единственно въ томъ, что теперь ея дѣятельность не сопровождается ни усталостью, ни пресыщеніемъ“. Обитатели Квимбайа „признавали, что въ челоуѣкѣ есть что то безсмертное, но они не различали хорошенько души отъ тѣла“. Древніе перуанцы утверждали весьма опредѣленно: „души должны возстать изъ гробовъ со всѣмъ тѣмъ, что принадлежало ихъ тѣламъ“; они вмѣстѣ съ этимъ вѣрили еще, что „душа бродитъ по свѣту и чувствуетъ холодъ и жажду, голодъ и усталость“. Одновременно съ обычаемъ зажигать костры на могилахъ вождей, въ Самоа держалось вѣрованіе, что духи непогребенныхъ умершихъ блуждали вокругъ нихъ съ криками: „О, какъ холодно! О, какъ холодно!“.

Это вѣрованіе не только выражается на словахъ, но подразумѣвается во многихъ дѣятельностяхъ. Нѣкоторые изъ перуанцевъ „посыпали полъ своего жилища маневою мукой, чтобы послѣ видѣть, какъ они говорили, слѣды мертвцовъ, ходившихъ ночью по жилищу“; и этотъ обычай находитъ себѣ параллели и въ другихъ мѣстахъ, даже у евреевъ, которые употребляли просѣянную золу для выслаживания прогулокъ демоновъ; при этомъ нѣкоторые

евреи, хотя и не всѣ, считали демоновъ за духовъ злыхъ покойниковъ. Подобная же идея должна существовать и у тѣхъ негровъ (упоминаемыхъ Бастианомъ), которые накладывали колючки вѣтокъ на тропинкахъ, ведущихъ къ ихъ деревнямъ, чтобы не допустить въ эти деверевни демоновъ. Въ другихъ мѣстахъ рассказы о томъ, будто бы мертвецы требуютъ съѣстныхъ припасовъ, имѣютъ, очевидно, то же самое значеніе. „Дайте намъ сколько-нибудь пищи, чтобъ мы могли поѣсть и отправиться въ путь“, говорятъ духи изъ племени амазулу своимъ соплеменникамъ, объявивъ имъ передъ этимъ, что они идутъ сражаться съ духами другаго племени. Сѣверо-американскіе индѣйцы предполагаютъ, что духи курятъ; а фиджійцы говорятъ, что „боги съѣдаютъ души тѣхъ, чьи тѣла были съѣдены людьми“, и предварительно жарятъ ихъ. Фиджійцы вѣрятъ также, что нѣкоторые „души убиваются людьми“, ибо второе „я“ можетъ вступить въ битву и быть убито точь въ точь, какъ и первое. Точно такимъ же образомъ амазулу „предполагаютъ, что аматонго, или мертвецъ, можетъ умереть снова...“; мы имѣемъ здѣсь рассказы о мертвецахъ, убитыхъ въ битвѣ и унесенныхъ рѣкою. Это вѣрованіе въ вещественность двойника раздѣлялось также древними индусами, татарами и европейцами старыхъ временъ.

Переходы отъ этого первоначальнаго и наиболѣе грубаго представленія къ позднѣйшимъ представленіямъ менѣе грубаго свойства не могутъ быть прослѣжены съ достаточной ясностью; однако же, мы имѣемъ тутъ кое-какія указанія на прогрессивное видоизмѣненіе.

Таитяне полагаютъ, что большая часть духовъ умершихъ „съѣдается богами“, и притомъ не сразу, а постепенно, (что предполагаетъ отдѣлимость частей), но въ то же время считаютъ, что нѣкоторые

духи не съѣдаются богами и являются иногда въ свовидѣніяхъ оставшимся въ живыхъ; причеиъ этотъ фактъ ихъ появленія и служить, вѣроятно, основаніемъ для заключенія, что они не съѣдены. Точно также нѣкоторая, если не полная, вещественность приписывается духамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ надѣляютъ органами чувствъ. Икуты дѣлаютъ хорошо-замѣтные значки, чтобы показать духамъ, гдѣ имъ оставлены жертвоприношенія; индѣйцы Юкатана полагаютъ, что „душа умершаго возвращается на свѣтъ; а потому, чтобы она не заблудилась, выйдя изъ могилы, и не потеряла дорогу къ домашнему очагу, они обозначаютъ мѣломъ тропинку отъ могилы къ хижинѣ“. Вещественность, предполагаемая физическимъ зрѣніемъ, приписывается духамъ и никобарцами, которые думаютъ, что для того, „чтобы не дать возможности влѣзти духамъ (умершихъ) поселиться снова въ деревнѣ, достаточно щита, сдѣланнаго изъ кусковъ разныхъ матерій, который скрывалъ бы отъ ихъ пагубныхъ взоровъ то мѣсто, гдѣ стоятъ жилища“.

Строго выработанное ученіе египтянъ разсматривало каждаго индивидуума, какъ состоящаго изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ существованій, — души, духа, тѣни (привидѣнія) и проч. Главнымъ изъ нихъ былъ чисто-вещественный двойникъ тѣла. Вотъ что пишетъ Масперо по этому поводу: „Ка, котораго я назову двойникомъ, составлялъ какъ бы второй экземпляръ тѣла, но менѣе плотной субстанціи, чѣмъ тѣлесное вещество, — окрашенную, но какъ бы воздушную проекцію индивидуума, повторяющую каждую его черту... Вся могила, взятая вмѣстѣ, называлась домомъ двойника (*la maison du double*)“.

Представленіе грековъ о духахъ усопшихъ было сходно съ этимъ. Тирволль говоритъ: „только послѣ того, какъ ихъ силы нѣсколько подкрѣплялись кровью закланныхъ жертвъ, къ нимъ возвращались

на время разумъ и память, и они становились способными узнавать своихъ живыхъ друзей и чувствовать безпокойство за тѣхъ, кого они покинули на землѣ“. И эти обитатели Аида имѣли въ себѣ нѣчто вещественное, что видно изъ того факта, что они приходили толпами пить жертвенную кровь, такъ и изъ того, что Одиссей осаживалъ ихъ назадъ своимъ мечемъ. Кромѣ того, въ этомъ мірѣ мертвыхъ, онъ видитъ Титея, печень котораго раздирается коршунами; говоритъ съ душою Агамемнона, который „проливаетъ горячія слезы“, и описываетъ духъ Сизифа, изнемогающій отъ усилій втащить наверхъ камень, который и въ Аидѣ все еще сохраняетъ свою тяжесть. Здѣсь будетъ кстати привести одинъ отрывокъ изъ Илліады, показывающій намъ, какъ видоизмѣняется первобытное понятіе. Пробудившись отъ сна, въ которомъ Ахиллъ видѣлъ Патрокла и въ которомъ тщетно старался обнять его, онъ говоритъ: „Увы! и такъ, это правда, что въ жилищахъ Аида обитаютъ только духи и образы, но нѣтъ вовсе тѣлъ“. Однако же, духъ Патрокла описывается говорящимъ и жалующимся, т. е. ему приписывается вся та вещественность, которая предполагается этими дѣйствіями. Такимъ образомъ, въ умахъ людей гомеровскаго вѣка сновидѣнія хотя и продолжали доставлять доказательства загробнаго существованія, но они доставляли уже и такіе опыты, которые, будучи подвергнуты обсужденію, дѣлали необходимымъ нѣкоторое измѣненіе въ идеѣ о другомъ я: этому другому уже не приписывалось болѣе полной вещественности.

Представленія на этотъ же счетъ, господствующія между евреями, повидимому, нисколько не отличались отъ представленій грековъ; мы находимъ, что они приписываютъ духамъ то вещественность, то невещественность, то нѣчто среднее между тою и другою. Напримѣръ, воскресающій представляется

въ одно и то же время и какъ обладающій раними, допускающими осязательное изслѣдованіе, и какъ проходящій тѣмъ не менѣе совершенно безпрепятственно черезъ запертыя двери и черезъ стѣны. Подобнымъ же образомъ представляли себѣ евреи и другихъ сверхъестественныхъ существъ, вообще, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, какъ тѣхъ, которые были ожившими мертвецами, такъ и тѣхъ, которые были независимыми духами. Такъ, духи описываются ими то какъ существа вполнѣ тѣлесныя, то какъ существа безтѣлесныя, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они невидимо рѣютъ въ окружающемъ воздухѣ, подобно демонамъ, о которыхъ утверждается то же самое; въ другихъ мѣстахъ о духахъ говорится, что они имѣютъ крылья, предполагающія перемѣщеніе посредствомъ механической дѣятельности, и что они трутся объ одежды раввиновъ въ синагогѣ, отчего эти одежды изнашиваются и оказываются потертыми снаружи.

Очевидно, что исторіи о привидѣніяхъ, имѣвшія такое широкое распространеніе между нами въ прошедшія времена, основаны на той же самой идеѣ. Способность отворять двери, звенѣть цѣпами и производить разные другіе звуки, очевидно, предполагаетъ достаточно значительное сцѣпленіе между частицами вещества; и это сцѣпленіе необходимо должно было допускаться, хотя такое допущеніе и не было выражаемо въ прямой формѣ. Кромѣ того, существующее до сихъ поръ вѣрованіе о мученіи душъ огнемъ такимъ же образомъ предполагаетъ извѣстный родъ вещественности.

Мы выше уже намекали, что къ этимъ идеямъ о полу-вещественныхъ двойникахъ примѣшивались всегда идеи о воздушныхъ и тѣнеобразныхъ двойникахъ, и что эти двѣ группы представленій уживались вмѣстѣ, несмотря на ихъ несогласимость другъ съ другомъ. Контрастъ между умирающимъ

человѣкомъ и человѣкомъ только что умершимъ естественно приводилъ къ представленію объ усопшемъ въ терминахъ различія, причемъ каждое подмѣненное болѣе или менѣе рѣзкое отличіе порождало соотвѣтственное представленіе.

Сердце перестаетъ биться. Не есть-ли, слѣдовательно, сердце то другое я, которое уходитъ прочь въ актѣ смерти? Нѣкоторыя расы дѣйствительно думаютъ такимъ образомъ, что видно изъ допроса, произведеннаго Бобадилло индѣйцамъ Никарагуа. Онъ спрашивалъ одного изъ нихъ: „Какъ вы думаете, живутъ ли тѣ, которые улетаютъ отсюда, и тамъ точно такимъ же образомъ, какъ они жили здѣсь, т. е. съ тою же самою головою, тѣмъ же самымъ тѣломъ и пр.“? Ему отвѣчали на это: „Туда улетаетъ одно только сердце“. Дальнѣйшіе вопросы выяснили смутную идею, что существуетъ два сердца и что „сердце, которое уходитъ, и есть то, которое дѣлаетъ людей живыми“. Точно такимъ же образомъ Чеза говоритъ о чанкасахъ древняго Перу, что у нихъ „душа называлась сонконъ;—слово, которое означаетъ также и сердце“.

Прекращенію дыханія гораздо нагляднѣе и замѣтнѣе, чѣмъ прекращеніе сердцебиенія, а потому оно ведетъ къ гораздо болѣе распространенному отождествленію ушедшаго другого я съ исчезнувшимъ дыханіемъ. Тѣ же самые обитатели центральной Америки это отождествленіе одновременно соединяли съ отождествленіемъ души съ сердцемъ. Одинъ индѣецъ на вопросъ Бобадилло отвѣчалъ: „Когда ктонибудь умираетъ, то изъ его рта вылетаетъ существо, похожее на него и называемое Юліо; это существо уносится туда, гдѣ этотъ человѣкъ остается и живетъ тамъ въ образѣ этого человѣка и не умираетъ; тѣло же человѣка остается здѣсь“. Что та же самая идея имѣла всеобщее распространеніе между высшими расами, — слишкомъ хорошо извѣстно,

чтобы нуждаться въ какихъ либо доказательствѣхъ. Я упомяну только о графическихъ изображеніяхъ души въ иллюстрированныхъ духовныхъ сочиненіяхъ прежняго времени; на примѣръ, Mortilogus etc. Конрада Рейтера, изданный въ 1508 году, содержитъ гравированныя на деревѣ изображенія умирающихъ людей, изъ ртовъ которыхъ вылетаютъ маленькія фигурки ихъ же самихъ, причѣмъ въ одномъ случаѣ такую фигурку принимаетъ въ объятія ангель, а въ другомъ случаѣ ее хватаетъ чертъ. Отожествленіе души съ тѣнью подтверждается многими примѣрами: такъ, о гренландцахъ рассказываютъ, что они „вѣрятъ, будто бы существуетъ двѣ души, а именно — тѣнь и дыханіе“. Приведемъ въ дополненіе къ древнимъ примѣрамъ и одинъ новый, а именно рассказъ д-ра Коллоуэйя о племени амазулу. Глядя на факты съ миссіонерской точки зрѣнія и извращая, вслѣдствіе этого, порядокъ ихъ зарожденія, онъ говоритъ: „едва-ли что-нибудь можетъ показать съ большей ясностью степень того униженія, до котораго опустились туземцы, какъ то обстоятельство, что они не могутъ понять, что изитунпи значить духъ, а не просто тѣнь, отбрасываемая тѣломъ; ибо между ними существуетъ теперь странное вѣрованіе, будто бы мертвое тѣло не отбрасываетъ никакой тѣни“.

Тѣ представленія о другомъ я, которыя возникаютъ такимъ образомъ и которыя стремятся замѣнить прежнія представленія объ этомъ другомъ я, какъ о чемъ-то вещественномъ или полу-вещественномъ, вслѣдствіе того, что они находятся въ менѣе очевидномъ разногласіи съ фактами, ведутъ къ такимъ обридамъ, въ основаніи которыхъ лежитъ вѣрованіе, что духи усопшихъ, хотя и нуждаются въ свободномъ пространствѣ, чтобы пройти чрезъ преграду, но пространство это можетъ быть очень не велико. Такъ, ирокезы „оставляютъ маленькое от-

верстіе въ могилѣ, чтобы душа могла снова проникнуть чрезъ него къ усопшему“; „на островѣ Фразеръ, въ Квинслендѣ... они кладутъ сверху на тѣло кусокъ коры, чтобы оставить мѣсто, какъ они говорятъ, для движенія духа или тѣни, и чтобы онъ могъ выйти наверхъ“; а въ другихъ случаяхъ та же причина побуждаетъ пробуравливать дырки въ гробахъ. Уальполь говоритъ объ анзаріяхъ: „въ помѣщеніяхъ, посвященныхъ страннопріимству, остается нѣсколько четырехугольныхъ отверстій, чтобы духи могли входить и выходить, не сталкиваясь другъ съ другомъ“.

Еслибы мы даже не обладали такимъ запасомъ фактическихъ доказательствъ, что представленіе о другомъ я имѣютъ такое происхожденіе, то для насъ достаточно было бы для вывода этого заключенія и тѣхъ непрямыхъ доказательствъ, которыя доставляются анализомъ языка. Эти доказательства смыются на насъ со всѣхъ концовъ свѣта, отъ народовъ, находящихся на всѣхъ ступеняхъ развитія.

Въ своемъ описаніи тасманійцевъ, Миллиганъ говоритъ: „они обозначаютъ этихъ духовъ-хранителей общимъ названіемъ „Варрауа“, туземнымъ словомъ, означающимъ тѣнь (обыкновенную), тѣнь (привидѣніе), привидѣніе, духъ усопшаго или видѣніе“. На языкѣ адтековъ и въ другихъ сродныхъ съ нимъ нарѣчіяхъ еге катль обозначаетъ въ одно и то же время вѣтеръ, душу и тѣнь. Обитатели Новой Англіи называли душу чемунгъ, т. е. тѣнь. У квише слово натубъ и у эскимосовъ слово тарнакъ выражаетъ одновременно обѣ эти идеи. Въ нарѣчіи могауковъ слово атуриць, душа, происходитъ отъ слова атуріонъ, дышать. Подобныя же тождества между этими словами были указаны въ словаряхъ алгонквиновъ, араукасовъ, абипоновъ, базутовъ и пр. Тотъ фактъ, что въ языкахъ цивилизованныхъ народовъ нѣкоторыя слова отождествляютъ душу съ

тѣнью, а другія—отождествляютъ ее съ дыханіемъ, достаточно общеизвѣстенъ. Я не вижу никакой надобности повторять здѣсь фактическія данныя, изложенныя подробно Тайлоромъ и доказывающія, что какъ семитическіе, такъ и арійскіе языки указываютъ на одинаковыя первобытныя представленія.

Теперь мы дошли до нѣкоторыхъ производныхъ представленій, имѣющихъ важное значеніе. Обратимся прежде всего къ наиболѣе очевидному изъ нихъ.

Наблюденія доказали, что четвероногія и птицы дышать точно также, какъ и человѣкъ. Изъ этого слѣдуетъ, что если дыханіе или тѣнь человѣка есть его другое я, которое уходитъ при его смерти, то тѣнь или дыханіе животнаго, тоже исчезающее при его смерти, должно быть другимъ я этого животнаго; значить, животное тоже имѣетъ свой духъ, или привидѣніе. Даже первобытный человѣкъ, рассуждающій хотя на одинъ шагъ далѣе тѣхъ фактовъ, которые навязываются непосредственно его вниманію, не можетъ избѣжать этого заключенія. И одинаковымъ образомъ, гдѣ существуетъ вѣрованіе, что тѣни людей суть ихъ души, изъ него вытекаетъ предположеніе, что тѣни животнаго, которыя слѣдуютъ за ними и одинаково подрываютъ ихъ движеніямъ,—должны быть душами животныхъ.

Люди, находящіеся на самой низкой ступени развитія, (дикари) здѣсь останавливаются въ своихъ выводахъ; но прогрессъ способности разсужденія приводитъ его къ усмотрѣнію дальнѣйшаго вывода изъ его понятія о дунѣ. Хотя растенія, въ противоположность людямъ и знакомымъ дикарю животнымъ, и не обнаруживаютъ землѣвнаго дыханія (если только не смотрѣть на ароматы, какъ на дыханіе), но они сходны съ людьми и животными въ томъ, что растутъ и размножаются подобно животнымъ и людямъ, произрастаютъ, склоняются къ упадку и уми-

рають, оставивъ послѣ себя потомство. Сверхъ того растенія отбрасываютъ тѣни; и когда ихъ вѣтки раскачиваются порывами бури, ихъ тѣни обнаруживаютъ соотвѣтственныя движенія. На этомъ основаніи послѣдовательность требуетъ дальнѣйшаго распространенія вѣры въ двойственность: растенія также имѣютъ души. Этому заключенія придерживались болѣе высокія расы, каковы дайкаи, карены и нѣкоторые полинезійцы; оно повело ихъ къ такимъ обрядамъ, посредствомъ которыхъ умилостивляются духи растеній. Это же вѣрованіе продолжается существовать въ хорошо извѣстныхъ формахъ и на послѣдующихъ ступеняхъ общественнаго развитія.

Но на этомъ человѣчество не остановилось. Прогрессирующая мысль, дойдя до этого пункта, становясь все болѣе и болѣе логичною, принуждена идти далѣе. Ибо не одни только люди, животныя и растенія обладаютъ тѣнями; ихъ имѣютъ и другіе предметы. Слѣдовательно, если тѣни суть души, то и другіе предметы должны обладать душами. Замѣтимъ при этомъ, что мы ничего не читаемъ о существованіи такого вѣрованія у самыхъ низшихъ расъ. Его не существуетъ ни у огнеземельцевъ, ни у австралійцевъ, ни у аждаманцевъ, ни у бешменовъ, или, если оно и существуетъ здѣсь, то не достаточно рѣзко выражено, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе путешественниковъ. Это—вѣрованіе, которое возникаетъ лишь у болѣе интеллигентныхъ расъ и затѣмъ развивается. Карены думаютъ, будто бы „каждый естественный предметъ имѣетъ своего повелителя или бога, въ смыслѣ обладающаго и управляющаго имъ духа“; даже неодушевленные предметы, оказывающіе какую-нибудь пользу, каковы напримѣръ, различныя орудія, имѣютъ каждый своего Ла, или духа. Чиппевайи „вѣрятъ, что животныя имѣютъ душу и что даже безжизненные пред-

меты, каковы котлы и т. п., также заключаютъ въ себѣ подобную же сущность“. У фиджійцевъ, которыхъ, какъ мы уже видѣли выше, слѣдуетъ причислить къ наиболѣе развитымъ въ умственномъ отношеніи изъ числа варварскихъ племенъ, это ученіе получило самое полное развитіе. Они приписываютъ души „не только всему человѣческому роду, но и животнымъ, растеніямъ, даже домамъ, лодкамъ и всѣмъ механическимъ аппаратамъ“, и это убѣжденіе Вильямсъ разсматриваетъ, какъ имѣющее то именно начало, которое только что указано нами; онъ говоритъ: „по всей вѣроятности, это ученіе о тѣняхъ находится въ связи съ ихъ понятіемъ, будто бы даже неодушевленные предметы имѣютъ свои духовъ“. Народы, достигшіе гораздо болѣе высокаго уровня развитія, выводили то же самое заключеніе, какъ и фиджійцы. Мексиканцы „предполагали, что всякій предметъ имѣетъ своего бога“: а что это предположеніе основывалось на томъ, что всякій предметъ обладаетъ тѣнью, мы можемъ заключить на основаніи того, что у сосѣдняго съ чиб часами народа мы находимъ то же вѣрованіе, при чемъ оно прямо объясняется именно этою причиною. Относительно этого народа Пидрагита пишетъ слѣдующее:

„Личисы поклонялись каждому камню, какъ и богу, ибо они утверждали, что всѣ камни были прежде людьми и что всѣ люди обращаются въ камни послѣ смерти; а также, что наступитъ день, когда всѣ камни снова обратятся въ людей. Они также обожали свою собственную тѣнь, такъ что всегда имѣли своего бога при себѣ и могли его видѣть въ каждый ясный, солнечный день. И хотя они знали, что тѣнь производится свѣтомъ и непрозрачнымъ предметомъ, помѣщеннымъ между нимъ и освѣщаемой поверхностью, но утверждали, что это устроено солнцемъ для того, чтобы дать имъ боговъ... И ког-

да имъ указывали на тѣни деревьевъ и камней, то это не производило на нихъ никакого дѣйствія, потому что они смотрѣли на тѣни деревьевъ, какъ на боговъ деревьевъ, а на тѣни камней какъ на боговъ камней, т. е. какъ на боговъ ихъ собственныхъ

Фактами этими, въ особенности же послѣднимъ, доказывается довольно убѣдительно, что вѣрованіе въ души неодушевленныхъ предметовъ есть вѣрованіе, достигаемое лишь на извѣстной степени умственнаго развитія и представляющее заключительный выводъ изъ ранѣе установившагося вѣрованія по отношенію къ людскимъ душамъ. Не дожидаясь болѣе специальныхъ доказательствъ, читатель можетъ видѣть уже и теперь, что я понималъ, когда отрицалъ опущеніе перлюбитнаго человѣка въ умственномъ отношеніи насколько низко, чтобы смѣшивать въ самомъ началѣ одушевленное съ неодушевленнымъ; читатель можетъ видѣть уже и теперь нѣкоторыя основанія, подтверждающія высказанное мною положеніе, что то спутываніе одушевленнаго съ неодушевленнымъ, которое обнаруживаютъ постепенно развивающіяся представленія человѣка, представляетъ результатъ заключенія, къ которому человѣкъ пришелъ путемъ вывода изъ естественнаго, но ошибочнаго вѣрованія, установившагося ранѣе.

Въ скобкахъ сдѣлавъ это замѣчаніе, я нахожу полезнымъ, прежде окончательнаго заключенія главы, перечислить тѣ разнообразныя классы душъ и духовъ, которые порождаются этою системою истолкованія нѣкоторыхъ жизненныхъ явленій.

На первомъ планѣ стоятъ души усопшихъ родителей и родственниковъ. Эти души обладаютъ въ представленіи оставшихся въ живыхъ болѣе ясными формами, чѣмъ и отличаются отъ душъ предковъ, которыя, по степени своей отдаленности, представляются все болѣе и болѣе смутно. Эта различная степень ясности представленія производитъ то, что

идеи о душахъ оказываются индивидуализированными въ различной степени. Затѣмъ мы имѣемъ блуждающіе двойники людей, погруженныхъ въ сонъ или въ какое-либо болѣе глубокое состояніе безчувственности. Правильность образованія изъ этихъ душъ особаго класса подтверждается рассказомъ Швейнфурта о племени бонго, которое вѣритъ, что старики „могутъ казаться лежащими спокойно въ своихъ хижинахъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они держатъ въ это время совѣтъ со злыми духами въ лѣсахъ“. Далѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы имѣемъ души людей, находящихся въ бодрствующемъ состояніи, которыя покинули ихъ на время. Какъ напримѣръ, можно указать на вѣру кареновъ въ то, что „каждое человѣческое существо имѣетъ своего духа-хранителя, который то идетъ съ нимъ рядомъ, то удаляется отъ него на поиски фантастическихъ приключеній; и если онъ отсутствуетъ слишкомъ долго, то его приходится призывать назадъ съ помощью жертвоприношеній“. Дѣйствительное различіе этихъ группъ ясно обнаруживается у малагасовъ, которые имѣютъ различныя названія для привидѣній еще живыхъ людей и для привидѣній мертвецовъ.

Не мѣшаетъ обратить вниманіе еще на одну классификацію душъ, или духовъ а именно: на раздѣленіе ихъ на души друзей и души враговъ, т. е. на души, принадлежащія членамъ собственнаго племени, и души, принадлежащія членамъ другихъ племенъ. Конечно, эти группы не вполне совпадаютъ одна съ другою; ибо, кромѣ неумолимыхъ враговъ изъ другихъ племенъ, существуютъ еще привидѣнія дурныхъ людей изъ своего же собственнаго племени; затѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ этому прибавляются еще злые духи тѣхъ людей, которые остались непогребенными. Но, говоря вообще, добрые и злые духи имѣютъ это происхожденіе; и дружественность или враждебность, приписываемая имъ послѣ смерти,

есть лишь продолженіе дружественности или враждебности, которыя они обнаруживали при жизни.

Въ этотъ разрядъ душъ мы должны присоединить души еще другихъ существъ, животныхъ, растений и даже безжизненныхъ предметовъ. Мексиканцы приписываютъ „блаженство безсмертія душамъ скотовъ“; а малагазы думаютъ, что души „какъ людей, такъ и животныхъ обитаютъ въ большой горѣ, лежащей на югъ отъ нихъ“. Но хотя вѣра въ души животныхъ доволно обыкновенна и хотя фиджійцы и нѣкоторые другіа племена вѣрятъ даже и въ то, что души разрушенныхъ домашнихъ орудій также идутъ на тотъ свѣтъ, однако-же, они вообще не считаютъ, чтобы эти классы душъ принимали дѣятельное участіе въ человѣческихъ дѣлахъ.

Теперь намъ остается только указать на ту прогрессивную дифференціацію понятія о тѣлѣ отъ понятія о душѣ, которая обнаруживается въ разсмотрѣнныхъ нами фактахъ. Подобно тому, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, что, съ развитіемъ мысли, идея о той непрерывной безчувственности, которую мы называемъ смертью, постепенно дифференцируется отъ идей о тѣхъ временныхъ состояніяхъ безчувственности, которыя представляютъ собою лишь подобіе смерти, пока, наконецъ, смерть не выдѣлится въ представленіи человѣка, какъ существенно отличная отъ этихъ состояній, такъ точно и здѣсь мы видимъ, что контрастъ между идеей о вещественномъ я и идеей о невещественномъ я возникаетъ и усиливается лишь постепенно, и что это измѣненіе опредѣляется умноженіемъ знаній и возрастаніемъ критической способности.

Напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда базуты, руководствуясь своимъ представленіемъ о другомъ я, какъ о вещественной сущности, „думаютъ, будто бы крокодилъ можетъ схватить въ водѣ тѣнь человека, идущаго по берегу рѣки, и утащить его на

эту тѣнь въ воду“, мы можемъ видѣть, что несогласимость ихъ идей съ фактами и между собою такъ велика, что малѣйшій прогрессъ въ физическомъ знаніи долженъ видоизмѣнить ихъ, т. е. долженъ вызвать представленіе дугаго и въ менѣе вещественной формѣ. Или, когда фиджіецъ, съ одной стороны, приписываетъ души такую вещественность, что считаетъ, будто бы она, во время своего путешествія послѣ смерти, можетъ быть схвачена кѣмъ-либо изъ боговъ и убита ударомъ о камень, и когда, съ другой стороны, тотъ же фиджіецъ полагаетъ, что каждый человѣкъ имѣетъ двѣ души: свою тѣнь и свое собственное изображеніе, — то очевидно, что несообразность между его вѣрованіями такова, что развитіе критики должно непременно измѣнить ихъ. По мѣрѣ того, какъ мысль становится все разумнѣе, сознаніе несообразности становится все болѣе и болѣе яснымъ и ведетъ къ ряду послѣдовательныхъ компромиссовъ. Второе я, представлявшееся сначала столь же вещественнымъ, какъ и первое, становится шагъ за шагомъ все менѣе и менѣе вещественнымъ; постоянно является оно то полу-твердымъ, то воздушнымъ, то, наконецъ, оцирнымъ. И когда оно дойдетъ наконецъ, до послѣдней ступени, то ему уже перестаютъ приписывать какое бы то ни было изъ тѣхъ свойствъ, по которымъ мы узнаемъ о существованіи чего бы то ни было, такъ что остается только утвержденіе и некотораго существованія, но существованія вполне неопредѣленнаго.

ГЛАВА III.

Вдохновеніе, ясновидѣніе, заклинаніе, колдовство.

Если „властѣ душа умершаго“ врага можетъ войти въ тѣло человѣка, то не можетъ-ли иной разъ войти

въ человѣка дружественная душа? Если судороги эпилептика, бредъ горячечнаго больного, самоистязаніе сумасшедшаго причиняются живущимъ внутри человѣка демономъ, то нельзя-ли объяснить подобнымъ же образомъ и ту чрезвычайную силу или то чудесное искусство, которыя обнаруживаются людьми въ нѣкоторыхъ случаяхъ, т. е. нельзя-ли предположить, что такія силы и искусство даются человѣку обитающимъ въ немъ благодѣльнымъ духомъ? Если духъ врага можетъ войти въ тѣло человѣка даже въ то время, когда онъ находится въ сознательномъ состояніи, и, занявъ это тѣло совместно съ его собственной душою, управлять его дѣйствіями, наперекоръ его собственному владѣльцу, производи такимъ образомъ истерику, чиханіе и зѣвоту, то не можетъ-ли иногда духъ предка занять тѣло своего потомка совместно съ его собственной душою, причѣмъ этотъ духъ, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать человѣку, будетъ помогать ему, придавалъ ему лишнюю силу, или знаніе или хитрость?

На эти вопросы у дикаря имѣются лишь утвердительные отвѣты. Результатомъ этого являются нѣкоторыя идеи, на которыя мы и обратимъ наше вниманіе.

Фактъ, что сумасшедшіе, въ припадкахъ возбужденія, обладаютъ большей, противъ обыкновенныхъ людей силой, приводитъ къ вѣрованію, какъ мы видѣли ранѣе, что сверхъестественные дѣятели обладаютъ сверхчеловѣческой энергіей.

Что обнаруживаніе необыкновенной тѣлесной силы объясняютъ себѣ именно такимъ образомъ, доказывается многими фактическими свидѣтельствами изъ области древнѣйшихъ человѣческихъ преданій. Желая ободрить Диомеда, Минерва говоритъ: „я ниспослала въ твою душу неустрашимую мощь предковъ, ту мощь, которой обладалъ постоянно

щито-блещущій герой Тидесъ“. Очевидно, что въ этихъ словахъ подразумѣвается родъ какого-то воодушевленія, или вдохновенія, какое-то вдыханіе души, которая была выдохнута однимъ изъ предковъ. Еще яснѣе подразумѣвается это въ нѣкоторыхъ еще болѣе древнихъ легендарныхъ исторіяхъ египтянъ. Въ третьемъ папирусе Сальера, рассказывающемъ о побѣдѣ Рамзеса II, говорится, что побѣдитель воззвалъ къ своему „отцу Аммону“ и получилъ такой отвѣтъ: „Рамзесъ Мамонъ, я нахожусь съ тобою, я твой отецъ Ра... и стою для тебя 100000 человекъ, соединенныхъ въ одномъ“. И когда послѣ этого Рамзесъ, покинутый своимъ войскомъ, избиваетъ въ одиночку все войско своихъ враговъ, они говорятъ: „этотъ человекъ не простой смертный, рожденный какъ все прочіе люди“.

Здѣсь не мѣшаетъ обратить вниманіе на нѣсколько многозначительныхъ обстоятельствъ. Одержавшій духъ, дающій сверхчеловѣческую силу, есть духъ одного изъ предковъ. Вышесть отъ развитіемъ этого духа-предка въ божество, путемъ преувеличенія и идеализаціи его свойствъ, пло и возрастаніе его отъ силы, лишь немного превращающей человѣческую, до силы, превосходящей человѣческую въ неизмѣримой степени. Все эти древніи расы, — египтяне, вавилоняне, ассирияне, греки, — обладали однимъ общимъ представленіемъ по отношенію къ богамъ, состоявшимъ въ томъ, что боги, имѣющіе въ другихъ отношеніяхъ большое сходство съ людьми, отличаются отъ нихъ силою, значительно превосходящее человѣческую; и это представленіе, не подверженное никакому ограниченію, легко расширяется въ представленіе о всемогуществѣ. Далѣе, всякое проявленіе тѣлесной силы, значительно превосходящей обыкновенную, естественно возбуждало въ умахъ наблюдателей подозрѣніе, что предъ ними

находится или человѣкъ, одержимый сверхъестественнымъ существомъ, или просто сверхъестественное существо, принявшее на себя видъ человѣка.

Конечно, и необыкновенная сила ума должна получить себѣ подобное же объясненіе. Если воплотившійся въ человѣка духъ,—будетъ ли онъ имѣть первобытную форму духа-предка, или какую-либо видоизмѣненную и болѣе развитую форму,—можетъ дать сверхъчеловѣческую тѣлесную силу, то онъ можетъ дать также и сверхчеловѣческую мыслительную силу, равно какъ и сверхчеловѣческую силу страсти.

Мы въ настоящее время такъ далеко ушли отъ этого ученія, что намъ трудно думать, что оно когда-то принималось въ буквальный смыслъ слова. Нѣкоторыя изъ существующихъ первобытныхъ расъ, каковы, напримѣръ, таитяне, и теперь еще обнаруживаютъ предъ нами, въ самой первоначальной формѣ, то вѣрованіе, что жрецъ, въ моментъ вдохновенія, „перестаетъ дѣйствовать и говорить какъ свободное существо, поступающее по своей волѣ, но движется и говоритъ какъ человѣкъ, находящійся вполнѣ подъ сверхъестественнымъ вліяніемъ“; такимъ образомъ, таитяне реализируютъ для насъ древнее вѣрованіе, что прорицатели будущаго и другіе подобные имъ люди были лишь каналами для проведеній изрѣченій боговъ. Но намъ нѣсколько труднѣе представить себѣ ясно ту истину, что и вдохновеніе поэта понималось вначалѣ точно такимъ же образомъ. Слова: „воспой, о, богиня, гибельный гнѣвъ Ахилла“ вовсе не были простой риторической формой, подобно воззваніямъ къ музамъ позднѣйшихъ временъ; но это была настоящая мольба о вдохновеніи,—объ одержаніи духомъ поэтическаго творчества. Люди временъ Гомера вѣрили, что „всѣ великія и славныя мысли нисходили отъ какого-либо божества“. Конечно, этотъ способъ объяснять про-

исхождение идей и чувствъ обладаетъ безграничнымъ просторомъ и разнообразіемъ; мы не имѣемъ здѣсь никакаго критерія для опредѣленія того, какаа степень отступленія отъ обыкновенной умственной силы или отъ обыкновеннаго душевнаго состоянія оправдываетъ допущеніе сверхъестественной причины, а потому такое допущеніе сверхъестественныхъ причинъ становится обычнымъ по поводу самыхъ незначительныхъ внушеній опыта. Въ Илліадѣ пробужденіе въ Еленѣ весьма обыкновеннаго чувства представлено такъ, какъ будто бы это чувство было возбуждено въ ней Иридою: „богиня влила въ ея душу нѣжное желаніе увидѣть снова своего перваго супруга, свой родной городъ и своихъ родителей“. Точно также это объясненіе распространяется не на одни только возвышенные порывы эмоциональнаго или интеллектуальнаго характера. Во времена Гомера „истинными преступниками считались не совершители дурныхъ дѣлъ, но боги, побуждавшіе къ совершенію такихъ дѣлъ“; и даже обыкновенныя ошибки въ сужденіи объяснялись себѣ древними греками такъ: „богъ обманулъ меня, чтобы я сдѣлалъ это“.

Намъ не нужно излагать подробно, какимъ образомъ эта теорія,—зачинаясь въ формѣ, которая обнаруживается еще и теперь у многихъ дикарей, подобныхъ обитателямъ Конго, приписывающимъ судороги жреца вдохновенію, т. е. вхожденію въ него фетиша, и дифференцируясь постепенно, какъ видно, изъ сказаннаго выше, на вдохновенія божественнаго рода и вдохновенія дьявольскаго свойства,—продолжала существовать и развиваться. Достаточно будетъ признать тотъ фактъ, что эта теорія живетъ и до сихъ поръ въ области мысли, причѣмъ древнѣйшіе взгляды по этому поводу представляютъ гораздо меньше несходствъ, чѣмъ мы предполагаемъ. Когда мы читаемъ у Бринмона, что „у такалисоевъ

жрецъ обыкновенно возлагаетъ руку на голову ближайшаго родственника умершаго и вдуваетъ въ него душу усопшаго, которая, по предположенію туземцевъ, снова является въ жизнь въ лицѣ слѣдующаго ребенка этого родственника“, то аналогичные факты можемъ наблюдать и въ настоящее время у другихъ народовъ.—Мы видимъ приложеніе этого первобытнаго понятія въ томъ качественномъ различіи, которое существуетъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, между гениемъ и талантомъ.

Различіе между фактами, только что подведенными нами подъ рубрику воодушевленія, или вдохновенія, и фактами, имѣющими быть подведенными подъ рубрику ясновидѣнія, или прозрѣнія, едва-ли можетъ считаться выходящимъ за предѣлы различія чисто номинальнаго. Ясновидящій, или угадчикъ, есть просто вдохновенный человѣкъ, распоряжающійся своею сверхъестественною способностію для частныхъ цѣлей.

Теперь мы можемъ опять обратиться къ идеямъ Амааду, которыя такъ тщательно изслѣдованы и такъ ясно изложены во всѣхъ подробностяхъ, и которыя могутъ считаться типомъ идей этого рода, въ ихъ первобытной формѣ. Замѣтимъ прежде всего, что тѣлесное разстройство, ведущее къ возбужденію душевному, составляетъ здѣсь обычное предварительное условіе. Также требуется постъ. Они говорятъ: „тѣло, постоянно начинаемое яствами, не можетъ видѣть тайныхъ вещей“. Кромѣ того, „человѣкъ, начинающій становится Иньянга... терлетъ сонъ... онъ спитъ лишь урывками... Онъ становится жилищемъ сновидѣній“. Замѣтимъ вслѣдъ затѣмъ, что душевное разстройство, дойдя до извѣстной степени, принимается за доказательство вдохновенія. Пока признаки душевнаго разстройства еще не сильны, нѣкоторые спорятъ и отрицаютъ вдохновеніе, говоря: „Нѣтъ. Парень просто помѣшанный.

Въ немъ нѣтъ никакого Итонго (духа-предка)⁴. Другіе говорятъ: „О, въ немъ есть Итонго; онъ уже сталъ настоящимъ Иньянга“ .. И наконецъ, замѣтимъ далѣе, что существованіе одержимости духомъ, утверждаемое по отношенію къ данному человѣку, считается доказаннымъ, коль скоро этотъ человѣкъ имѣетъ успѣхъ въ угадываніи или предсказаніи. Сомнѣвающіеся говорятъ: „Мы согласились бы, что онъ Иньянга еслибы вы опрیتали отъ него какія-нибудь вещи и заставили бы его покать и еслибы онъ ихъ нашелъ“.

Представленіе, столь ясно выступающее изъ этихъ фактовъ, можетъ быть прояснено и во всѣхъ другихъ случаяхъ этого рода, причемъ главное различіе заключается въ предполагаемой природѣ обитающаго въ человѣкѣ сверхъестественнаго дѣятеля. Образъ жизни, производящій ненормальную возбужденность, служитъ повсюду подготовленіемъ къ должности ясновидящаго, или пророчества. Точно также повсюду эта возбужденность приписывается одержающему духу: тѣни усопшаго, демону или божеству; и тѣ слова, которыми произноситъ пророчество, принимаются за слова одержимаго духа. Вильямсъ говоритъ о фиджійскомъ жрецѣ въ припадкѣ вдохновенія слѣдующее:

„Всѣ его слова и поступки не считаются болѣе принадлежащими ему лично, но рассматриваются какъ слова и поступки того божества, которое вошло въ него... При произнесеніи отвѣта, глаза жреца выкатываются и неистово вращаются во всѣ стороны точно у бѣшенаго; голосъ его неестествененъ, лицо блѣдно, губы сини, дыханіе затруднено и вся его внѣшность похожа на внѣшность бѣшенаго сумасшедшаго“.

Санталы обнаруживаютъ въ этомъ случаѣ тѣ же самые составные элементы вѣрованія. Въ теченіи многихъ дней, изнуряя себя голодомъ, санталскій

жрецъ приводитъ себя въ состояніе полу помѣшательства. Тогда онъ отвѣчаетъ на предлагаемые ему вопросы силою одержащаго его бога. А въ случаѣ, передаваемомъ Шервиллемъ, этотъ богъ былъ „прежде однимъ изъ ихъ вождей“.

Мы приводимъ взгляды полуцивилизованныхъ и цивилизованныхъ расъ на этотъ предметъ только для того, чтобъ показать ихъ родство съ предыдущими. Гомеръ говоритъ: „боги поддерживаютъ постоянное сношеніе съ людьми, причемъ это сношеніе составляетъ часть обыкновеннаго хода ихъ providѣній. Это сношеніе состоитъ главнымъ образомъ въ откровеніяхъ ихъ божественной воли, въ особенности же въ откровеніяхъ грядущихъ событий, сообщаемыхъ людямъ голосами оракуловъ“, и пр. Мы не можемъ не видѣть сходства по прирѣдѣ, хотя и сопровождаемаго нѣкоторымъ несходствомъ по формѣ, между изрѣченіями греческаго оракула и изрѣченіями зулусскаго Иньянга, которому духъ, предокъ говоритъ такъ: „не ты будешь говорить съ людьми; но мы, твои предки, будемъ говорить имъ черезъ тебя все, о чемъ они будутъ приходить спрашивать тебя“.

Эти идеи должны неизбѣжно развиваться далѣе. Если духъ врага вошелъ въ тѣло человѣка, то не можетъ-ли онъ быть изгнанъ оттуда? И если это не можетъ быть сдѣлано никакимъ другимъ путемъ, то нельзя-ли достигнуть этого путемъ сверхъестественной помощи? Если нѣкоторые люди одержимы къ своему вреду духами злобы, между тѣмъ какъ нѣкоторые другіе одержимы къ своему благополучію дружественными духами, столь же могущественными или даже, можетъ быть, болѣе могущественными, чѣмъ предыдущіе, то нѣтъ-ли какой-нибудь возможности воспользоваться помощью добрыхъ духовъ, чтобы помѣшать злобнымъ вліяніямъ злыхъ духовъ, — можетъ быть, даже побѣдить и из-

гнать ихъ? Первобытный человѣкъ воляѣ логически заключаетъ, что это возможно. Отсюда и явилось заклинаніе бѣсовъ.

Лѣкаръ или знахаръ у дикарей совмѣщаетъ въ себѣ знаніе и заклинателя. То, что Роулаттъ сообщаетъ намъ о мишмисахъ, которые въ болѣзни посылаютъ за жрецомъ, чтобы онъ изгналъ злого духа, мы находимъ въ массахъ другихъ случаяхъ, причемъ подобное вѣрованіе или выражается открыто или подразумевается. Способъ изгнанія злого духа состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать тѣло больного самымъ непріятнымъ жилищемъ, такъ чтобы демонъ самъ не пожелалъ оставаться въ немъ долѣе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для этой цѣли прибѣгаютъ къ очень сильнымъ средствамъ; такъ, суматранцы, желая изгнать злого духа изъ сумасшедшаго, запираютъ его въ хижинѣ, которую потомъ поджигаютъ со всѣхъ концовъ, предоставляя сумасшедшему выбираться изъ нея, какъ онъ самъ знаетъ. По всей вѣроятности, и всѣ другія чрезвычайныя мѣры, принимаемыя въ этихъ случаяхъ, по рассказамъ очевидцевъ, какъ-то проглатываніе разныхъ ужасныхъ вещей и произведеніе разныхъ невыносимыхъ запаховъ, имѣютъ подобную же цѣль: вызвать отвращеніе въ духѣ-пришельцѣ. Весьма обыкновененъ также приемъ, при которомъ заклинатель старается испугать злого жильца страшнымъ шумомъ, грозными жестами и ужасными гримасами. У калифорнійскихъ племенъ знахаръ „присѣдаетъ противъ больного на четверинки и лаетъ на него, на манеръ бѣшеной собаки, въ продолженіе цѣлыхъ часовъ“; у племени коніяга знахаръ имѣетъ помощницу, которая при этомъ оглашаетъ воздухъ стопами и воемъ. Иногда, къ прочимъ средствамъ, присоединяется и физическая сила. У колумбійскихъ индѣйцевъ лѣкаръ „старается выкинуть злого духа, надавливая изо всей силы обоими руками“

тymi кулаками на желудокъ больного пациента“. Чтобы дать читателю типическій примѣръ употребляющихся тутъ приемовъ мы приведемъ рассказъ Герреры о приемахъ, существующихъ у индѣйцевъ Кумани:

„Если болѣзнь продолжала ухудшаться, они говорили, что больной одержимъ духами. На этомъ основаніи они гладили его по всему тѣлу, произносили чародѣйственныя слова, лизали нѣкоторыя сочлененія и сосали ихъ, говоря, что они вытягиваютъ духовъ; потомъ они брали вѣтку какого-то дерева, чудодѣйственная сила котораго была извѣстна только однимъ знахарямъ, и шекотали ей у себя въ глоткѣ, пока ихъ не начинало рвать и не показывалась кровь; послѣ чего они вздыхали, ревели, тряслись, топали ногами, дѣлали тысячи гримасъ и потѣли въ теченіе двухъ часовъ; наконецъ, у нихъ появлялся родъ густой слизи, съ маленькимъ, твердымъ, чернымъ шарикомъ посрединѣ, который люди, принадлежавшіе къ семейству больного, относили въ поле, говоря: „Иди своей дорогой, дьяволъ!“.

Но въ болѣе распространенной формѣ заклинанія духовъ, для изгнанія одного демона всегда употребляется другой. Жрецъ или знахарь побѣждаетъ демона въ пациентѣ или помощью того демона, которымъ онъ одержимъ самъ, или же онъ призываетъ къ себѣ на помощь какую-либо дружественную силу.

Въ этой формѣ заклинанію, какъ извѣстно, должно существовать черезъ весь періодъ цивилизаціи. Въ древнѣйшія времена евреи употребляли для этой цѣли нѣкоторыя физическія приемы, сродные съ тѣми, которые мы встрѣчаемъ у дикарей; такъ, на примѣръ, они производили страшную вонь посредствомъ сжиганія сердца и печени рыбы; этимъ способомъ заклинанія былъ изгнанъ демонъ Асмо-

дей, который, „почуявъ запахъ дыма“, улетѣлъ въ Египетъ. Но позднѣе этотъ физическій приѣмъ замѣнился вытѣсненіемъ злого духа силою болѣе могущественнаго сверхъестественнаго дѣятеля. Въ этой формѣ заклинаніе существуетъ еще и до сихъ поръ.

Какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ случаяхъ мы можемъ прослѣдить довольно легко первобытную природу сверхъестественнаго дѣятеля. Злобныя привидѣнія или души умершихъ, докучающія живымъ за то, что ихъ трупы не были погребены съ честью, отличаются лишь въ очень малой степени отъ злыхъ духовъ, мучащихъ живыхъ посредствомъ одержанія ихъ. Изъ этого примѣра ясно видно, что заговариваніе привидѣній умершихъ и заклинаніе демоновъ суть видоизмѣненія одной и той же вещи. У амазуду мы находимъ, что эти два рода заговариванія не имѣютъ отличныхъ формъ. Епископъ Коллоуэй рассказываетъ намъ объ одной женщинѣ, которую преслѣдовалъ духъ ея умершаго мужа:

„Онъ не даетъ ей покоя каждый разъ, какъ она отправится къ другому мужчине, съ которымъ она еще не обвѣнчана; каждый разъ, какъ она оставитъ дома дѣтей своего умершаго мужа, онъ слѣдуетъ за ней и спрашиваетъ ее: „съ кѣмъ ты оставила моихъ дѣтей? Какое у тебя дѣло здѣсь? Ступай назадъ къ моимъ дѣтямъ. Если ты не послушаешься, я убью тебя“. Въ деревнѣ порѣшили немедленно заговорить духа, потому что онъ мучаетъ женщину“.

Конечно, съ прогрессомъ цивилизаціи приѣмы эти дифференцируются: въ то время, какъ злые духи изгоняются путемъ повелительныхъ заклятій, привидѣнія умершихъ, считаемыя менѣе злобными, умиротворяются посредствомъ исполненія ихъ требованій. Но такъ какъ слова: привидѣніе, душа, духъ, демонъ, дьяволъ, означали вначалѣ одно и то же, то мы имѣемъ полное право заключить, что то, что подъ конецъ стало изгнаніемъ бѣса, было вначалѣ

изгнаніемъ злобнаго двойника какого-либо умершаго человѣка.

Власть надъ духами, будто бы достигнутая заклинателемъ, вырастаетъ во власть, употребляемую имъ не для одного лишь изгнанія бѣсовъ изъ одержимыхъ, но и для другихъ цѣлей. Знахарь, который, при помощи дружественныхъ духовъ, изгоняетъ духовъ враждебныхъ, весьма естественно задаетъ себѣ вопросъ: не можетъ-ли онъ употребить эту помощь дружественныхъ духовъ и для другихъ какихъ-либо цѣлей? Не можетъ-ли онъ съ ихъ помощью отомстить своимъ врагамъ, или исполнить такія вещи, которыя иначе были бы невозможными для него? Вѣрованіе въ то, что онъ дѣйствительно можетъ употребить такимъ путемъ духовъ, порождаетъ колдовство.

Вѣрованіе это въ его первобытной формѣ, мы встречаемъ у кафѳровъ, которые думаютъ, что „дурные люди возвращаютъ жизнь тѣламъ умершихъ, которые дѣлаются послѣ того домовыми и помогаютъ имъ въ ихъ злыхъ дѣлахъ“. Въ этомъ вѣрованіи мы имѣемъ простое отождествленіе духа-покровителя и помощника (*daemon familiaris*), или домоваго, съ умершимъ человѣкомъ. Когда мы читаемъ, что тайяне вѣрятъ, будто бы болѣзнь и смерть производятся чарами жрецовъ, которые заставляютъ злыхъ духовъ входить въ больного, или когда мы узнаемъ, что большая часть несчастій приписывается австралійцами „той силѣ, которую враждебныя племена имѣютъ надъ духами и демонами, кипящими въ каждомъ уголкѣ страны“, то мы видимъ въ этихъ вѣрованіяхъ то же самое понятіе, только выраженное менѣе специфическимъ образомъ. Въ томъ фактѣ, что еврейскіе писатели „опредѣляютъ некроманта, какъ такого человѣка, который постится и проводитъ ночи между могила съ тою цѣлью, чтобы злой духъ могъ сойти на него“, мы имѣемъ ясный на-

мекъ на сродное съ предыдущими вѣрованіе у одной изъ древнихъ историческихъ расъ. И мы не можемъ не видѣть ясной связи между этими первоначальными формами представленія о колдовствѣ и послѣдующими, производными формами этого представленія, выжившими у болѣе цивилизованныхъ расъ.

Дѣйствія колдуна, имѣющія своей первичною цѣлію приобрѣтеніе власти надъ живымъ человѣкомъ и вторичной (которая подъ конецъ становится господствующей) — приобрѣтеніе власти надъ душами умершихъ людей, или надъ сверхъестественными дѣятелями, представляемыми себѣ иначе, управляются понятіемъ, рассмотрѣніе котораго будетъ не лишено поучительности.

Выше мы уже указывали на существованіе той идеи, будто бы качества извѣстнаго индивидуума приобрѣтаются тѣмъ, кто его съѣстъ; какъ на дальнѣйшее обнаруживаніе той же идеи, мы можемъ сослаться на показаніе Стонбриджа, который рассказываетъ, что когда австраліецъ убиваетъ новорожденнаго младенца, то онъ кормитъ его тѣломъ прежде родившагося ребенка въ той увѣренности, что „этотъ ребенокъ, наѣвшись какъ можно сытнѣе жаренымъ младенцемъ, соединитъ въ себѣ силу обоихъ“. Въ другихъ мѣстахъ существуетъ обычай съѣдать съ подобною же цѣлью своихъ умершихъ родственниковъ. Гарсилассо говоритъ о кукамасахъ: „какъ только одинъ изъ нихъ умретъ, его родственники собираются вмѣстѣ и ѣдятъ его жаренымъ или варенымъ, смотря потому, былъ-ли онъ жиренъ или худъ“. Торіаны и туканы пьютъ пепель своихъ родственниковъ и „вѣрятъ, что вслѣдствіе этого всѣ хорошія качества покойника передаются пьющимъ“; а о другомъ родственномъ съ ними племени, объ араукасахъ, рассказываютъ намъ, что у нихъ „самый высшій знакъ почести, какой только можетъ быть оказанъ умершему, состоитъ въ томъ, чтобы пить его кости, истолчен-

ныя въ порошокъ и смѣшанныя съ водою“. Не менѣе исполненъ значенія и одинъ изъ обычаевъ коняга совъ, живущихъ китовою ловлею. „Когда умираетъ китобой, тѣло его разрѣзывается на мелкіе кусочки и распредѣляются между его товарищами. Каждый изъ нихъ, обтеревъ предварительно такимъ кусочкомъ конецъ своего копья, сушитъ его и сохраняетъ какъ родъ талисмана. Или же тѣло умершаго помѣщается въ какой нибудь отдаленной пещерѣ, въ которой китобой собираются всѣ вмѣстѣ предъ отправленіемъ на охоту; при этомъ они вынимаютъ тѣло изъ пещеры, относятъ его къ ручью, погружаютъ его въ воду и затѣмъ пьютъ эту воду“. На извѣстной ступени развитія предполагается, что то особенное свойство, которое будто бы принадлежитъ извѣстному агрегату, не только существуетъ неразрывно со всѣми его частями въ отдѣльности, но распространяется еще и на все то, что такъ или иначе связано съ нимъ. Даже наружный видъ даннаго агрегата разсматривается какъ такое свойство, которое не можетъ существовать отдѣльно отъ остальныхъ его свойствъ. Отсюда объясняется то отвращеніе, которое часто обнаруживаютъ дикари при попыткахъ снять съ нихъ портретъ. Они думаютъ, что вмѣстѣ съ этимъ живымъ воспроизведеніемъ ихъ наружности должна отниматься у нихъ и нѣкоторая часть жизни. Всѣ эти вѣрованія,—подобныя вѣрованія чинуконъ, которые, послѣ снятія съ нихъ фотографій, „вообразили, будто бы у ихъ души перешли такимъ образомъ во владѣніе другихъ, которые могутъ мучить ихъ по своему произволу“, или вѣрованію манучесовъ, которые считаютъ, что обладаніе портретомъ кого-либо даетъ владѣльцу портрета роковую силу надъ представленнымъ на немъ человѣкомъ, — будутъ подробно разсмотрѣны впослѣдствіи, подъ другою рубрикою. Въ настоящее же время для насъ совершенно достаточно только

упомянуть объ этомъ вѣрованіи, какъ о характеризующемъ дальнѣйшій образчикъ тѣхъ путей, которыми слѣдуетъ неаналитическія представленія о вещахъ. Мы должны обратить здѣсь вниманіе читателя еще на одинъ изъ такихъ путей. На извѣстной ступени развитія люди ассоціируютъ свойства даннаго агрегата не только съ его потретомъ, но даже съ его именемъ. Вѣрованіе необразованныхъ людей нашего собственнаго общества въ существованіе нѣкоторой внутренней связи между словомъ и вещью (вѣрованіе, отъ котораго не могли освободиться даже самые образованные между древними греками) обнаруживается у дикарей еще болѣе яснымъ образомъ. Со всѣхъ сторонъ свѣта до насъ доходятъ свидѣтельства путешественниковъ о любви дикарей къ сохраненію своего имени въ тайнѣ. Бертонъ замѣчаетъ это о всѣхъ вообще сѣверо-американскихъ индѣйцахъ, а Смитъ—относительно нѣкоторыхъ южно-американцевъ. Побудительный мотивъ, заставляющій дикарей держать свое имя въ тайнѣ, былъ ясно выраженъ однимъ чинукомъ, который думалъ, что желаніе Кена узнать его имя происходило отъ намѣренія украсть его. И дѣйствительно, по словамъ Банкрофта „у нихъ имя принимаетъ характеръ какъ бы личности: оно есть тѣнь, или духъ, или другое я челоуѣка, состоящаго изъ плоти и крови“. Подобный же взглядъ на имя мы встрѣчаемъ у дайковъ долинъ, которые часто перемѣняютъ имена своихъ дѣтей, въ особенности же дѣтей хилыхъ и болѣзненныхъ, „въ вѣдствіе того побужденія, будто бы съ помощью этого пріема они могутъ обмануть враждебныхъ духовъ“. То же самое вѣрованіе, только въ другомъ направленіи, обнаруживается въ очень распространенномъ отвращеніи къ названію умершаго по имени. Довъ разсказываетъ намъ о тасманійцахъ, что они „боятся произносить имя, подъ которымъ извѣстенъ ихъ

усопшій родственникъ, какъ будто бы его тѣнь можетъ оскорбиться этимъ“, подобные же факты рассказываютъ намъ путешественники и объ обитателяхъ другихъ странъ.

Такая группировка фактовъ даетъ достаточно ясное представление о томъ генезисѣ вѣрованій и практическихъ приемахъ колдуновъ. Повсюду колдунъ старается достать частицу тѣла своей жертвы, или что-либо тѣсно связанное съ ея тѣломъ, или, наконецъ, онъ старается сдѣлать какое-либо изображеніе своей жертвы и затѣмъ производитъ надъ этимъ изображеніемъ, надъ этой частицей или надъ вещью то, что желаетъ произвести надъ самой жертвой. То представленіе, которое приписываютъ патогонцамъ и на основаніи котораго они думаютъ, будто бы обладаніе волосами или ногтями человѣка даетъ колдуну возможность сдѣлать всякое зло этому человѣку,—распространено повсюду. По этой причинѣ всѣ ново-зеландцы „боятся обрѣзывать себѣ ногти“. Амазулу „предполагаютъ, будто бы колдуны губить свои жертвы такъ: они берутъ какую-нибудь часть тѣла человѣка, на примѣръ волосы или ногти, или же какую-нибудь вещь, которую этотъ человѣкъ носилъ на тѣлѣ, на примѣръ кусокъ старой одежды, и зарываютъ эти вещи, съ прибавленіемъ къ нимъ извѣстныхъ снадобій, въ какомъ-либо потайномъ мѣстѣ“. Древніе перуанскіе колдуны губили свои жертвы ворожбою надъ взятою изъ нихъ кровью. У таннезовъ эта роковая власть надъ человѣкомъ дѣйствуетъ посредствомъ волхвованій надъ остатками отъ его пищи. По всей вѣроятности, тутъ скрывается идея, что эти остатки продолжаютъ находиться въ связи съ тою частью пищи, которая была съѣдена человѣкомъ и которая стала частью его тѣла. Они вѣрятъ, что „люди могутъ производить болѣзнь и даже смерть посредствомъ сжиганія того, что они называютъ *нагакъ*. Нагакъ означаетъ

соръ, но главнымъ образомъ остатки отъ пищи. По-этому всѣ остатки этого рода они или сжигаютъ, или бросаютъ въ море, чтобы производители болѣзней не овладѣли какъ-нибудь ими... Если насылатель болѣзней заболѣвалъ самъ, то онъ увѣренъ, что кто-нибудь сжегъ его нагакъ“.

Примѣры чаръ, основанныхъ на вѣрованіи въ то, что изображеніе какой-либо вещи связано физически съ самою вещью могутъ быть указаны въ обществахъ, находящихся на всѣхъ ступеняхъ развитія. Китингъ рассказываетъ намъ о чиппеуаяхъ, что у нихъ колдунъ переноситъ болѣзнь съ своего пациента на его врага слѣдующимъ образомъ: „онъ дѣлаетъ деревянное изображеніе врага своего пациента“, протыкаетъ ему отверстие въ самое сердце и вводитъ черезъ отверстие извѣстные порошки: способъ совершенно однородный съ извѣстными намъ изъ сказокъ и о европейскихъ колдунахъ и ихъ пріемахъ.

Когда эти строки находились уже въ печати, я получилъ поразительное подтвержденіе выведеннаго въ нихъ заключенія. Въ благодарственномъ письмѣ Банкрофту за присылку перваго тома его сочиненія *Native Races of the Pacific States* я высказалъ, что придаю большое значеніе для моихъ собственныхъ цѣлей его многотрудной компиляціи; въ отвѣтъ на это онъ обязательно началъ посылать мнѣ корректурные оттиски остальныхъ томовъ.

Въ VIII т. этого сочиненія, на стр. 147, находится параграфъ, описывающій посвященіе въ шаманы у тлинкитовъ. Готовящійся въ шаманы отправляется въ дѣсь и живетъ тамъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль „одними только корнями растенія *rapax horridum*“, пока „глава духовъ“ (который не что иное, какъ шаманъ - предокъ) не пошлетъ ему „рѣчную выдру, въ языкѣ которой, по мнѣнію тлинкитовъ, скрыта вся сила и тайна шаманизма“...

„Но если духи не являются къ будущему шаману и не даютъ ему никакого случая добыть вышеописанный языкъ выдры, то неофитъ отправляется на могилу усопшаго шамана и предпринимаетъ тамъ ужасное бдѣніе въ теченіе цѣлой ночи, держа во рту палецъ мертвеца или одинъ изъ его зубовъ: этотъ пріемъ дѣйствуетъ на духовъ весьма могущественнымъ образомъ и заставляетъ ихъ прислать требующуюся выдру“.

Я нахожу, что ядѣсь всего удобнѣе будетъ указать, что мы получаемъ такимъ образомъ объясненіе амулетовъ. Хотя талисманы и не всегда представляютъ непремѣнно части мертвыхъ людей и животныхъ, однако же, въ большинствѣ случаевъ они состоятъ именно изъ такихъ останковъ. На основаніи вышеописаннаго понятія, предполагается, что такой амулетъ, состоящій изъ частицы умершаго, даетъ своему обладателю нѣкоторую силу, принадлежавшую этому умершему существу, или нѣкоторую силу надъ этимъ существомъ, или то и другое вмѣстѣ. То, что употребляется колдуномъ, какъ орудіе къ привужденію, превращаясь въ талисманъ, носится въ видѣ обезпеченія себѣ добрыхъ услугъ духа (человѣка или животнаго) или какъ защита отъ него. Обычай носить на себѣ кости умершихъ родственниковъ, — обычай, свойственный многимъ дикимъ народамъ, — имѣетъ, вѣроятно, это значеніе; это же значеніе, какъ мы видѣли прямо признается китобоями изъ племени коніяга, которые сохраняютъ по кусочку тѣла умершаго товарища въ качествѣ талисмана. То же самое понятіе ясно подразумѣвается въ томъ фактѣ, что „король ашантиевъ носилъ съ собой въ битву, въ качествѣ талисмана, голову своего предшественника“. Племена, находящіяся въ постоянной опасности отъ свирѣпыхъ животныхъ, часто употребляютъ въ качествѣ амулетовъ удобосохраняемыя части такихъ живот-

ныхъ. Андерсонъ говоритъ о дамарахъ, что у нихъ „амулетами служатъ обыкновенно зубы львовъ и гіенъ, внутренности животныхъ“ и пр.; а въ другомъ мѣстѣ онъ описываетъ амулеты намаковъ, какъ „состояшіе обыкновенно изъ зубовъ и когтей львовъ, гіенъ и другихъ дикихъ звѣрей, изъ кусочковъ дерева и кости изъ супенаго мяса и жира, изъ корней растений“ и пр. Въ числѣ талисмановъ, принадлежащихъ дайякскому знахарю, находятся слѣдующіе: нѣсколько зубовъ аллигаторовъ и медвѣдей, нѣсколько кабаньихъ клыковъ, стружки отъ роговъ оленя, перепутанные куски цвѣтныхъ нитей, когти нѣкоторыхъ животныхъ и разные обрывки и обломки европейскихъ вещей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самый мотивъ, побуждающій къ сохраненію такихъ животныхъ останковъ, выраженъ вполне ясно. Перечисляя амулеты бразильскихъ индѣйцевъ, Спикъ и Марціусъ называютъ „глазные зубы бобровъ и обезьянъ“, причемъ они прибавляютъ, что индѣецъ думаетъ, будто бы его амулеты, кромѣ другихъ приносимыхъ ими выгодъ, „защищаютъ его отъ нападенія дикихъ звѣрей“.

При переходѣ отъ этой болѣе простой формы колдовства къ той его формѣ, при которой пускаются въ ходъ сверхъестественные дѣятели, намъ представляются сами собой слѣдующіе вопросы: какая связь существуетъ между этими двумя формами? И не развивается ли вторая форма изъ первой? Есть причины думать, что это дѣйствительно такъ. Припоминая, какъ незначительно то различіе, которое признается первобытнымъ чловекомъ между живымъ и мертвецомъ, мы можемъ догадываться, что онъ думаетъ, будто бы и на того и на другого можно дѣйствовать одинаковымъ образомъ. Если обладаніе какой-либо частью живаго чловека даетъ власть надъ этимъ чловекомъ, то не даетъ-ли обладаніе какой-либо частью мертваго чловека такой же

власти и надъ нимъ? Выше уже было показано, что нѣкоторые народы предполагаютъ, будто бы мертвецъ нуждается во всѣхъ частяхъ своего тѣла. Мексиканцы заботятся о томъ, что бы кости покойника оставались на томъ же самомъ мѣстѣ, чтобы онъ легко могъ найти ихъ по воскресеніи, и на этомъ же основаніи волосы, ногти умершаго перуанца тщательно складывались для него въ одно мѣсто его родственниками. То же самое и на основаніи тѣхъ же самыхъ причинъ дѣлается неграми внутренности материка въ Ардрахѣ. Не лежитъ-ли въ подобныхъ случаяхъ того скрытаго заключенія, что всякій, владѣвшій этими останками, получаетъ этимъ самымъ надъ ихъ мертвымъ владѣльцемъ власть вредить ему и подчинять его себѣ? Допустимъ это скрытое заключеніе, и тогда смыслъ чаръ колдуновъ станетъ для насъ ясенъ. Обыкновенно они употребляютъ при этомъ огонь и обыкновенно же сжигаемыя или варимыя вещи суть останки умершихъ людей или животныхъ, но въ особенности людей. Рассказывая о древнихъ перуанцахъ, Аррианга говоритъ, что у нихъ колдунъ „приводилъ все, находящееся въ домѣ, въ сонное оцѣненіе, съ помощью особеннаго порошка, смолотаго изъ костей мертвеца“.

Въ древнія времена въ Европѣ вообще считалось весьма опаснымъ „оставлять трупны безъ призора, такъ какъ они могли быть обезображены колдуньями, которыя брали изъ нихъ большую часть самыхъ цѣнныхъ ингредіентовъ для составленія своихъ чародѣйственныхъ снадобій“. Англійскій парламентъ еще такъ недавно (въ 1604 г.) издалъ законъ, обрекающій смертной казни всякаго, кто выроетъ изъ могилы трупъ или какую-либо часть его съ цѣлью пользованія имъ для „колдовства, чаръ или заклинаній“. Такъ какъ вначалѣ элементами чародѣйственныхъ снадобій служили различныя части мертвеца и такъ какъ эти части отличались всего

болѣе своей отвратительностію, то мало-по-малу естественно сложилось убѣжденіе, что отвратительныя вещи вообще способны усиливать дѣйствительность „адскаго варева“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ для колдуна о заклятіи душъ животныхъ или душъ, превращенныхъ человѣческихъ существъ (оборотней), мы въ особенности можемъ ожидать встрѣтиться съ такими странными дикими смѣсами, какъ „глазъ ящерицы и палець лягушки“ и тому подобными дикими смѣсами, содержащимися по рассказамъ въ волшебномъ котлѣ колдуній.

Предполагаемое могущество именъ даетъ намъ новыя причины подозрѣвать существованіе нѣкотораго родства между пріемами некроромантическаго искусства и идеями дикарей. Первоначальное понятіе, что имя человѣка составляетъ часть его самого, и производное отсюда понятіе, что называніе мертвецовъ по именамъ дѣйствуетъ на нихъ и можетъ оскорбить ихъ, порождаетъ понятіе некромыта о вызваніи покойниковъ и духовъ вообще. Напримеръ, въ еврейскомъ разсказѣ о Самуилѣ, тѣни котораго спрашиваетъ Саула, зачѣмъ онъ потрошилъ ее, или какъ въ той исламской сатѣ, которая описываетъ, какъ тѣни усопшихъ, называемыя одна за другою по имени, отвѣчаютъ на такой приванъ,— повсюду мы находимъ свидѣтельства существованія вѣры въ то, будто бы обладаніе именемъ покойника даетъ надъ этимъ человѣкомъ такую же власть, какую обладаніе именемъ живаго человѣка даетъ надъ этимъ покойникомъ. Сильнѣе, пріобрѣтаемал знаніемъ имени, подразумѣвается также и въ такихъ исторіяхъ, какъ извѣстная арабская сказка изъ тысячи и одной ночи объ „отворяющемъ Сезамѣ“; наконецъ, точно такое же приваніе силы называнія по имени мы можемъ видѣть въ существующей еще и теперь поговоркѣ: „стоитъ заговорить о чортѣ, чтобъ онъ навѣрное явился“.

Впрочемъ, даже оставляя въ сторонѣ спеціальныя объясненія разныхъ частныхъ. мы видимъ, что общее объясненіе колдовства вполне достаточно. Первобытная теорія тѣней или духовъ умершихъ, предполагающая лишь очень мало различія между мертвецомъ и живымъ, благопріятствуетъ появленію и укрѣпленію понятія, что на мертвеца можно дѣйствовать тѣми же самыми приемами, которые дѣйствуютъ на живого, а отсюда происходитъ тотъ родъ колдовства, который, въ своей древней формѣ, есть вызваніе умершаго, чтобы добыть отъ него какое-либо свидѣніе, напримѣръ, когда эндорская волшебница вызываетъ духъ Самуила, а въ своей позднѣйшей формѣ—вызваніе демоновъ, чтобы заручиться ихъ помощью въ какомъ-нибудь зломъ дѣлѣ.

Заклинаніе и колдовство переходятъ нечувствительно въ сверхъестественное дѣйствіе (miracle). Существующее здѣсь различіе относится не столько къ природѣ получающихся эффе́ктовъ, сколько къ природѣ производящихъ ихъ дѣятелей. Если чудесныя дѣйствія приписываются сверхъестественному существу, враждебному свидѣтелямъ этихъ дѣйствій, то вызвавшее эти дѣйствія искусство есть колдовство; если же эти удивительныя дѣйствія приписываются сверхъестественному дружественному существу, то они относятся къ разряду явленій высшаго порядка.

Что отношеніе между сверхъестественнымъ явленіемъ высшаго порядка и колдовствомъ именно таково, это ясно обнаруживается изъ состоянія между еврейскими жрецами и египетскими магами. Съ точки зрѣнія фараона, Ааронъ былъ чародѣй, дѣйствовавшій съ помощью враждебнаго фараону духа, между тѣмъ какъ его собственные жрецы дѣйствовали съ помощью покровительствовавшихъ ему боговъ, и наоборотъ,—съ точки зрѣнія евреевъ дѣйствія, совершенныя ихъ предводителями, имѣли бо-

жественный характеръ, а дѣйствія ихъ противниковъ были дьявольскими. Но обѣ стороны одинаково вѣрили, что каждая изъ нихъ дѣйствовала съ сверхъестественной помощью и что менѣе могущественный дѣятель долженъ былъ уступить еще болѣе могущественному.

Что касается до разсказовъ о дронихъ сверхъестественныхъ явленіяхъ другаго порядка, то, судя по свидѣтельствамъ путешественниковъ, явленія, параллельныя имъ по своему значенію, ежесекундно совершаются еще и теперь въ Южной Африкѣ. Бечуаны принимаютъ миссіонеровъ за особенный родъ насылателей дождей; а у йорубовъ старикъ-поселенинъ, видя тучу, нерѣдко скажетъ миссіонеру: „пожалуйста, заставь ее пролиться на нашу землю“. Такъ какъ въ этихъ сухихъ областяхъ, какъ и на востокѣ, дождь равнозначущъ съ небеснымъ благословіемъ, то мы встрѣчаемъ здѣсь, состояніи между дожде-насылателями, или „пастырями небесныхъ стадъ“, — подобныя состоянія между Илѣю и жрецами Ваала. Тутъ мы видимъ такія же попытки силы и подобныя же наказанія за неуспѣхъ. Въ странѣ зулусовъ, во время страшной жары и засухи, дожде-насылатель Умквекана говоритъ: „пусть народъ посмотреть на небо въ такое то время: пойдетъ дождь“... и когда дѣйствительно пошелъ дождь, народъ сказалъ: „по истинѣ, онъ знахарь“... Въ слѣдующемъ году небо было немилостиво и не давало ни капли дождя. Народъ сталъ преслѣдовать знахаря Умквекану чрезвычайно... Говорятъ, что они отравили его. Обыкновенно, мы встрѣчаемъ то же самое представленіе о вѣдунѣ погоды, какое заключается въ словахъ еп. Коллоуэйя, что это есть „жрецъ, который обладаетъ силою могущественнаго посредничества“; и обыкновенно, мы находимъ, что и его способность къ посредничеству, и сила того сверхъестественнаго дѣятеля, надъ ко-

торымъ онъ имѣетъ вліяніе, испытывается по тѣмъ результатамъ, которыхъ онъ въ состояніи достигнуть. Одинъ изъ старинныхъ путешественниковъ, Гансъ Стедъ, описывая свой плѣнъ у бразильскихъ индѣйцевъ, говоритъ: „Вогъ совершилъ чудо черезъ меня“, и затѣмъ онъ передаетъ, какъ по требованію двухъ дикарей онъ остановилъ свою молитвою приближавшуюся бурю, которая угрожала помѣшать ихъ рыбной ловлѣ, и какъ дикарь Парваа сказалъ: „Теперь я вижу, что ты говорилъ съ своимъ богомъ“. Читая этотъ разсказъ, мы видимъ, что и дикарь, и цивилизованный человѣкъ совершенно согласны между собою въ истолкованіи случившагося факта.

Единственное важное различіе состоитъ здѣсь лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ сверхъестественный дѣятель, производящій данное сверхъестественное дѣйствіе по наущенію знахаря, дожденасылателя, прорицателя или жреца, отклоняется со стороны приписываемой ему природы, отъ первоначальнаго духа-предка.

Итакъ, первоначальное вѣрованіе заключается въ томъ, что тѣни умершихъ, или ихъ духи, входя въ тѣла живыхъ людей, производятъ судороги, помѣшательство, болѣзни и смерть; по мѣрѣ того, какъ такое вѣрованіе развивается, эти первобытные сверхъестественные дѣятели, принимаемые за причинителей этихъ бѣдствій, дифференцируются въ сверхъестественныхъ дѣятелей разнообразныхъ родовъ, обладающихъ различными силами. Выше мы уже рассмотрѣли нѣкоторыя изъ слѣдствій этой теоріи одержанія. Вмѣстѣ съ вѣрою въ зловерное одержаніе необходимо существуетъ и вѣра въ благодѣтельное, котораго люди выпрашиваютъ себѣ въ своихъ молитвахъ и которое принимаетъ формы сверхъестественной силы, сверхъестественнаго воодушевленія, или вдохновенія и сверхъестественнаго знанія. Да-

лѣе, изъ того понятія, что коль скоро демоны могутъ входить въ человѣка, то они могутъ быть и изгоняемы изъ него, является заклинаніе бѣсовъ. А затѣмъ, вслѣдъ за идеею, что демоны могутъ быть изгоняемы, естественно является идея, что ими вообще можно управлять,—что ихъ можно призывать на помощь; отсюда волхвованія и разныя сверхъестественныя явленія.

Но если тѣни умершихъ, или производные сверхъестественныя дѣятели, распредѣляемы въ другомъ порядкѣ, могутъ такимъ образомъ, относись враждебно къ людямъ наносить имъ всякія бѣдствія, или же, будучи дружественно расположенны къ нимъ, доставлять имъ помощь и покровительство, то не требуетъ-ли само благоразуміе вести себя такимъ образомъ, чтобы заслужить ихъ доброе расположеніе? Нѣсколько различныхъ путей представляются при этомъ случаѣ человѣческому уму. Такъ какъ вначалѣ предполагается, что эти души, или духи, сходны съ живыми людьми по своимъ воспріятіямъ и по своимъ умственнымъ способностямъ, то люди могутъ обманывать ихъ и вообще убѣгать отъ ихъ преслѣдованій. Или, подобно тому какъ въ описанныхъ нами выше случаяхъ, люди могутъ ихъ изгонять. Или, наоборотъ, люди могутъ избрать такой путь: умилостивлять ихъ, когда они находятся въ гнѣвѣ, и стараться дѣлать пріятное имъ, когда они дружественно расположены.

Изъ этого возникъ цѣлый рядъ обычаевъ заклинаній и умилостивленій.

Чтобы быть угоднымъ духамъ, тѣнямъ умершихъ, коимъ приписывается всевѣденіе, люди, мучимые совѣстью, стремятся искупить совершенное зло.

Такимъ образомъ съ этической точки зрѣнія явленія духовъ или вѣра въ возможность вліянія на насъ со стороны загробнаго міра, служатъ регулирующимъ началомъ справедливости.

ЗАБЛЮЧЕНІЕ.

Самый фактъ, что въ большинствѣ племенъ и націй всего земнаго шара, существуетъ сознаніе тѣсной связи между живыми людьми и отошедшими въ „Лету“, намъ указываетъ на біологически-унаследованное нами сознаніе отъ нашихъ праотцевъ и легко можетъ быть отнесено къ доисторической эпохи бытія.

Заклинанія, колдовство, борьба со злыми и добрыми духами—все это по моему мнѣнію внѣшнія проявленія сознанія человѣческой силы. Человѣкъ какъ бы предвкушаетъ то великое могущество, которымъ нѣкогда будетъ обладать; всемогущество, которое онъ приобрететъ двумя предначерченными намъ путями. властью надъ собой и познаніемъ сокровенныхъ силъ природы.

Съ того момента суевѣріе исчезнетъ, давая мѣсто ясному сознанію и мощи. Быть можетъ для такой цѣли потребуются многія тысячи лѣтъ, въ теченіи которыхъ заблужденія человѣческаго духа на картограммѣ исторіи культуры опишетъ не одну „кривую“ въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ, ранѣе чѣмъ достигнетъ того высшаго уровня, когда исчезнетъ вѣра во всякіе амулеты, тѣни умершихъ, колдовство и заклинанія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Что такое сверхъестественное	I

ГЛАВЫ:

I. Идеи о сверхъестественныхъ дѣятеляхъ	7
II. О привидѣніяхъ, духахъ, демонахъ и тѣняхъ.	18
III. Вдохновеніе, ясновидѣніе, заклинаніе, кол- довство	35
Заключеніе	60

Загадочныя племена на Голубыхъ горахъ, Думбаръ въ Лагорѣ. Соч. Садда-Бай (Е. П. Блавацкая). Съ портретомъ автора и біографіей, написанной В. П. Желиховской. Спб. 1893 г. Цѣна 1 р. 75 к. Блавацкая мастерски описываетъ свои наблюденія надъ природой Индіи, надъ ея современной жизнью и устройствомъ, надъ ея племенами и ихъ нравами, съ умственными порывами, философскими теоріями, съ исторіей и памятниками прошлаго. Статья „Загадочныя Племена“ знакомитъ читателей съ тоддами и курумбами, съ ихъ вѣрой, суевѣріемъ, обрядами, чудесами, черной и бѣлой магіей и проч. Вторая часть книги посвящена описанію грандіознаго и великолѣпнаго „Думбара въ Лагорѣ“, на которомъ представлялись вице-королю Индіи, маркизу Риволи, всѣ владѣтельные раджи и набобы во всей красѣ азіатской пышности и роскоши. Описаніе это читается съ большимъ интересомъ и бесспорно можетъ считаться, по своей художественной красотѣ и отдѣлкѣ слога, выдающимся произведеніемъ въ литературѣ этого рода.

Нравственная основа жизни человѣка. Соч. Ф. Вейса, перев. съ франц. 2 т., 612 стр., ц. 1 р. 50 к. Оглавленіе: О добродѣтели, истинѣ, предвзсудкахъ, общественномъ мнѣніи, страстяхъ, гнѣвѣ, лѣности, гордости, скупости, бережливости, умѣренности, здоровью, любви, честолюбіи, осторожности, познаніи человѣка, о женщинахъ, благородствѣ, смѣшномъ приличіи, умѣ, качествахъ человѣка, зависти, любезности, спусходительности, скромности, откровенности, вѣсловіи, дружбѣ, счастья и несчастья, цѣломудріи, домашней жизни.—Счастливыя бракъ.—О хорошемъ тонѣ, модѣ.—Черты мудраго.—О знаніи.—Объ изящныхъ искусствахъ, опытности, самоощущеніи, роскоши.—Правитель. Гражданинъ. Сенаторъ. Клерикаль. Военный.—Объ естественной религіи.—О законахъ вообще, свободѣ, преступленіяхъ и наказаніяхъ, о нравственности, существованіи Бога, свойствахъ Божества, безсмертіи.—О богослуженіи.—Смерть. Могила и проч. Предлагаемая книга есть трактатъ ученія о нравственности и добродѣтели человѣка.

Исторія философіи съ древнѣйшаго—до настоящаго времени въ популярномъ изложеніи. Соч. Фр. Кирхнера, переводъ съ нѣмец-

каго В. Вольфсона, съ дополнительною статью „Исторія русской философіи“, В. В. Чуйко. Спб. 1896 г., 393 стр., ц. 1 р. 20 к.

„Исторія философіи“ Кирхнера отличается нѣкоторыми особенностями отъ другихъ сочиненій по тому же предмету. Прежде всего она кратка, но краткость эта отнюдь не идетъ въ ущербъ полнотѣ; напротивъ, многіе отдѣлы у Кирхнера обработаны гораздо основательнѣе и подробнѣе, чѣмъ напримѣръ, въ объемистой исторіи философіи Льюиса; къ такимъ отдѣламъ относятся средніе вѣка, о которыхъ у Льюиса почти ничего не говорится. Краткость, вѣрнѣе, сжатость изложенія у Кирхнера обуславливается отсутствіемъ многоглаголанія, — а это безспорное достоинство. Кирхнеръ придалъ своему изложенію болѣе объективный характеръ; онъ ничего не навязываетъ читателю, ничего не разрушаетъ, ни на чемъ окончательно не останавливается. Для трактата по „философіи“ это было бы недостаткомъ, но для трактата по „исторіи философіи“ это великое достоинство. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что у Кирхнера совѣтъ нѣтъ критическаго отношенія къ философскимъ системамъ; его критика отличается лишь крайнею осторожностью, сдержанностью; онъ относится съ уваженіемъ даже къ явнымъ заблужденіямъ философской мысли, руководясь тѣмъ, что и заблужденія эти принесли пользу человѣчеству. Въ виду этихъ особенностей предложенной книги, мы полагаемъ, что она можетъ служить полезнымъ компендіемъ для учащихся; но еще въ большей степени она пригодна для лицъ интересующихся философіею не какъ учебнымъ предметомъ, но какъ наукою наукъ.

Идеалы жизни. Умѣнье жить разумно и съ пользою, соч. серъ Дж. Леббока. Пер. съ англійскаго М. Ловцовой. Спб., 1895 г. 302 стр. Ц. 75 к. Важнѣйшіе вопросы жизни.—Умѣнье обходиться съ людьми.—Денежныя дѣла.—Развлеченія.—Здоровье, умѣнье быть здоровымъ.—Народное образованіе.—Библіотека для чтенія.—Чтеніе.—Патріотизмъ.—Гражданственность.—Самообразование.—Общественная жизнь.—Трудолюбіе.—Вѣра.—Надежда.—Любовь къ ближнему.—Характеръ человѣка.—Спокойствіе духа и счастье.—Религіозныя утѣшенія. Книга эта есть дополненіе книги того же автора.—„Радости жизни“.

ПРАВСТВЕННЫЯ СОЧИНЕНІЯ С. СМАЙЛЬСА:

Умъ и энергія. «Жизнь и трудъ» (Life and labour). Большой томъ. Переводъ подъ редакціею Д. А. Коробчевскаго. Характеристика изъ жизни великихъ людей. Спб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к. Содержаніе: Люди и благородные люди.—Великіе люди—великіе работники.—Великіе юноши.—Великіе старцы.—Родословная таланта и генія.—Литературный недугъ.—Излишняя мозговая работа.—Здоровье.—Пристрастія.—Городская и сельская жизнь.—Одинокіе и женатые.—Подруги.—Закатъ жизни.—Послѣднія мысли великихъ людей.

Саморазвитіе умственное, нравственное и практическое съ дополнит. статьею «Русскіе дѣятели» (самодѣятельность).—Переводъ и дополненіе В. Вольфсона. Спб. 1895 г. 400 стр. ц. 1 р. 25 к.—Самопомощь общественная и личная.—Изобрѣтатели и промышленные дѣятели.—Три гончара.—Прилежаніе и настойчивость.—Научная дѣятельность.—Труженики изящныхъ искусствъ.—Труженики пера.—Энергія и сила воли.—Дѣловые люди.—Деньги—пользованіе и употребленіе ими.—Саморазвитіе.—Значеніе примѣра.—Значеніе характера.—Русскіе дѣятели.

Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Перев. С. Майковой. 1896 г. 7-ое изданіе. Вліяніе семьи.—Товарищество и примѣръ.—Трудъ.—Мужество.—Самообладаніе.—Долгъ и правдивость.—Правъ.—Манеры и изящество.—Общество книгъ.—Вліяніе брака.—Школа жизни. Ц. 1 р.

Вѣчный труженикъ. Жизнь и приключенія шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда. 2-е изданіе. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Долгъ. Нравственныя обязанности челоѣка. Переводъ С. Майковой. Содержаніе: Долгъ.—Совѣсть.—Честность.—Правдивость.—Мужество.—Терпѣніе.—Героизмъ добрыхъ дѣлъ.—Человѣколюбіе.—Гуманное обращеніе съ животными и лошадьми въ особенности.—Отвѣтственность.—Послѣдній конецъ. 2-е изданіе. Спб. Цѣна 1 руб. 50 к.

Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Съ рисунками. Перев. В. Вольскаго. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бережливость. Переводъ Сысоевой. Спб. 2-е изд. 1896 г. Ц. 1 р. Цѣль этой книги побудить людей употреблять свои средства на достойныя цѣли, а не растрчивать ихъ на удовлетвореніе пустыхъ притоней.

время и народовъ. Съ 25 рисунками. Перевелъ съ франц. и дополнилъ примѣрами русскаго героизма В. Д. Владиміровъ. Спб. Ц. 1 р. Героизмъ, по понятію Рено, вовсе не является исключительнымъ спутникомъ воинской славы; героизмъ можетъ обнаружиться во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни и дѣятельности, какъ въ самыхъ широкихъ, такъ и въ самыхъ тѣсныхъ. Не всѣ могутъ быть героями — совершенно справедливо говоритъ г. Владиміровъ — по желательнo, чтобы всѣ, хотя бы отчасти, были проникнуты героизмомъ, потому что этого требуетъ сама жизнь. Чтобѣ книги Рено можетъ принести нашему юношеству немалую пользу, такъ какъ великіе примѣры возвышаютъ духъ и внушаютъ челоѣку, въ особенности въ юношескомъ возрастѣ, желаніе подражать имъ или хотя бы приблизиться къ нимъ. Мы тѣмъ охотнѣе можемъ рекомендовать русскимъ молодымъ читателямъ книгу Рено въ переводѣ г. Владимірова, что переводъ сдѣланъ вполнѣ добросовѣстно; приложенные же въ концѣ книги примѣры русскаго героизма выбраны весьма толково. («Нов. Вр.»)

„Нашимъ юношамъ“: Дружескіе совѣты. Соч. Д-ра богословія Дж. Миллера, пер. Ловцовой. Спб. Ц. 10 к.

„Молодымъ дѣвушкамъ“: Дружескіе совѣты. Соч. Д-ра богословія Дж. Миллера, перев. М. Ловцовой. Спб. Ц. 10 к.

Наслѣдственность. П. Мантегацца. Профес. антропологіи. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
Оглавленіе: Общее ученіе о наслѣдственности.— Половой подборъ.— Браки между родственниками.— Поль дѣтей.— Наслѣдственность таланта.— Волѣннная наслѣдственность.— Безплодіе женщины.— Безплодіе мужчины.— Главные законы челоѣческаго прогресса.

Происхожденіе міра. (Sur l'origine de monde). Космогоническія теоріи древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора, съ добавленіемъ Н. Фауе (Файе), члена Парижской Академіи наукъ. Защита гипотезы Лапласа и теорій—Карквуда, Трoубриджа, Ньюкомба, Г. Х. Дарвина, а также критики теоріи Н. Фауе, изъ соч. Космогоническія гипотезы (Les hipotésés cosmogoniques), К. Вольфа, члена Парижской

Академія, астронома обсерваторіи. 2-е изданіе. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 35 к. Книга эта изложена популярнымъ языкомъ и коротко знакомитъ со всѣми авторитетными ученіями выражавшими свое мнѣніе о происхожденіи міра. Въ прибавленіи помѣщены защиты гипотезы Лапласа и пр. Книга напечатана убористымъ шрифтомъ и внѣшній ея видъ не заставляеть желать ничего лучшаго. Съ рисунками.

Историческія женщины.

Іоанъ Шеръ. Перев. съ нѣмецкаго Н. Есипова.

362 стр. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 в. Оглавленіе: Аспазія (V вѣкъ до Р. Х.). Римъ.—Туснельда (I вѣкъ). Германія.—Мессалина (I вѣкъ). Римъ.—Элоиза (XI вѣкъ). Франція.—Іоанна д'Аркъ (XV вѣкъ). Франція.—Двѣ королевы (XVI вѣка). Марія Стюартъ и Елизавета.—Нивонъ де Ланкло (XVII вѣкъ). Франція.—Матильда, королева Датская (XVIII вѣкъ).—Марія Антуанета, королева (XVIII вѣкъ). Франція.—Каролина, королева Англійская (XVIII—XIX). Предлагаемая книга Шера имѣеть историческій интересъ, какъ лѣтопись различныхъ временъ, Каждая эпоха мастерски изображена авторомъ, а также хорошо очерчены героини разсказовъ знаменитая Аспазія, Мессалина, Марія Стюартъ и Елизавета.

Семь чудесъ свѣта.

Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Соч. Люсьена Оже. Перев. съ франц. Вольфсона. Съ 21 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. Люсьенъ Оже принадлежитъ къ числу тѣхъ авторовъ, которые умѣють овладѣть читателемъ, не употребляя для этого никакихъ искусственныхъ пріемовъ. Благодаря живости и правдивости изложенія, заслуживаетъ полнаго вниманія читателей, ищущихъ чтенія серьезнаго, поучительнаго и, въ то же время, интереснаго. Въ особенности же она можетъ быть рекомендована юношеству, у котораго еще свѣжи въ памяти важнѣйшія свѣдѣнія по древней исторіи.

Сущность искусства.

Соч. Г. Тарда. Перев. съ франц. подъ редакцію и съ предисловіемъ Л. Оболенскаго. Спб. 1896 г. Ц. 30 к. Знаменитый французскій мыслитель возбуждаетъ и рѣшаетъ этотъ вопросъ съ полнымъ знаніемъ этого дѣла.

Дозв. ценз. Спб. 3 Августа 1898 г. Тип. Трунова. Калашн. пр. 15.